

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№1(20)
2005

Первоцвет

№ 1 (20) 2005

Литературно-
художественный альманах
для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская
библиотека
им. И. П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Зам. гл. редактора

Светлана Зубакова

Редколлегия

Лидия Середкина
Евгений Суворов
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе
Регина Присяжникова

Обложка

Сергей Элоян

Рисунки в тексте

Дмитрий Тимошкин

Адрес редакции.

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10
тел. 29-07-93, 20-43-01

E-mail: library@youlib.irk.ru

В номере

СТРАНА ПОЭЗИИ

<i>Наталья Сименькова</i>	3
<i>Максим Соболев</i>	4
<i>Юлия Боримская</i>	6
<i>Екатерина Алексеева</i>	8
<i>Татьяна Ягорь</i>	11
<i>Вера Гульева</i>	13
<i>Марина Диденко</i>	27
<i>Евгения Шикueva</i>	27
<i>Татьяна Боборькина</i>	29
<i>Ирина Игнатенко</i>	30
<i>Елена Карабанова</i>	30
<i>Дарья Крушинская</i>	31
<i>Марина Шамсутдинова</i>	35

МИР ПРОЗЫ

<i>Юрий Баранов. Рассказы</i>	15
-------------------------------------	----

ГОСТЬ НОМЕРА

<i>Николай Вяткин</i>	23
-----------------------------	----

МИНИАТЮРЫ

<i>Сергей Перфильев. Голоса прошлого. Бабочка и ботинок</i>	37
<i>Екатерина Спиридонова. Неизбежность</i>	39
<i>Владимир Матюценко. Весна</i>	40
<i>Алексей Савинов. Почему?</i>	43
<i>Ирина Дудик. Жизнь прекрасна!</i>	44
<i>Татьяна Булгакова. Детство</i>	44
<i>Олег Паженцев. Разговор</i>	45
<i>Дмитрий Максимов. Потерянные книги. Рассвет. Прогулка.</i> <i>Ненаписанный рассказ</i>	47

ИМЯ

<i>Константин Корнеев</i>	49
---------------------------------	----

КОНКУРС

<i>Владимир Корнилов</i>	55
<i>Максим Живетьев. История жизни донского казака</i>	56
<i>Наталья Бакиева. «Ждет нас жизнь...»</i>	61
<i>Валерия Евграфьева. «Нельзя жить, не зная...»</i>	65
<i>Диана Савченко. Война глазами ребенка</i>	67
<i>Мария Наумова. «Только он не вернулся из боя...»</i>	69
<i>Ксения Мельникова. Письмо с фронта</i>	70
<i>Ирина Демина. Война в судьбе моего деда</i>	71

ЗОЛОТОЙ ФОНД

<i>Георгий Замаратский. Военный аэродром</i>	76
--	----

ВЕСТИ КОМИТЕТА ПО МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

<i>Надежда Ворожцова. Нет — наркотикам!</i>	92
---	----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>Мария Афанасёнок. Иллюзия реальности</i>	94
---	----

Страна поэзии

Наталья Сименькова

г. Тулун

* * *

Бумажный шорох расцарапал
Черное брюхо тишины.
Апрельской зорькой зарождалось
Белое крошево стиха...

* * *

Тлеющим предзимьем
Надышусь вдоволь
Океаном неба.
Со снежной пеной.
С рыбами-звездами.
Заправски расправлю
Паруса снов.
Умчусь восвояси.
Не ждите меня к ужину.

* * *

Обуваю кроссовки и иду мерить жизнь.
По асфальту-циферблату.
Я — бесстрелочный часовой механизм,
Я — пешеходный отрывной календарь.
Я — есть время...

ОСЕНЬ

Город в тумане свечою расплылся,
Утро рождается кефирно-молочным.
Пес среди обрывков домов заблудился,
Лая на желтые, ржавые клочья.

Воздух осколками в легкие входит.
Осень его расколола на медни.
Кто-то сентябрьский будильник заводит —
Время червонного золота и меди.

Листья нарежут полоской пейзажи,
Падая с веток красы тополиной.
Лето покажется вялым, бумажным,
Выцветшим платьем и снимком старинным...

ТРИДЦАТАЯ ЗИМА

Я в эту зиму не войду —
В простуды, вьюги и морозы,
Я в май с дистанции сойду,
В июль, где маки и стрекозы.

Я отрекаюсь от снегов —
В обмен на зелень перелесков,
От белоствольных берегов,
От снулых рек с ледовым блеском.

Я отдаю накидку стуж,
Примерив, солнечное пончо,
Колье шарфа на мелочь луж —
В ломбарде пригородном срочно.

Я эту зиму не впущу —
Ни в дверь, ни в окна и ни в вены,
Ее за холодность прощусь,
Себя — за летнюю измену...

ЯНВАРСКОЕ

Спрессовано время
в сердечном архиве —
Тонок монтаж деталей.

Скомкано имя —
в комочек, в порыве...
Прошлогодней печали.

Сыграны роли.
в постскриптумском титре —
Подзапылившийся «Оскар».

Розданы боли.
В пожизненной битве
за счастья мнимый остов...

Максим Соболев

г. Иркутск

РИСУНОК

Я нарисую на зимнем окошке
Горки и санки, деревьев немножко,
Вместо листвы пусть узоров добавит
Утренний ветер и снег на стекле.
Выглянет солнце, рисунок растает,

Скоро весна и грачи прилетают,
Чтобы прогнать зимний ветер и стужу,
Свив на деревьях гнездо во дворе.
Почки взорвутся зеленой листвою,
Вспомнив рисунок, что зимней порою
Я на окне рисовал, и с тобою
Мы нарисуем опять...

СОН

Луна забила в облака,
Пух тополиный гонит ветер,
Дорога в рай так высока,
А ад в крошечной тьме не светит.

Не знаю, где мой отчий дом,
Как будто связанный с тропой,
Иду, а мысли о своем,
Что я пожертвовал тобою.

Стремлюсь увидеть я дома,
Но только ветер тополиный
Все гонит прочь, в душе зима,
А пух, как снег, беспечный иней.

Сейчас полпятого утра,
Дождь пригвоздил к земле мгновенье,
В лесу, как в сказочной стране,
В лесу, как в царстве привидений,

Ни страха нет, ни суеты,
Все так торжественно прекрасно,
И только на костре грибы.
Которые люблю ужасно...

Такой вот утренний бальзам,
Такое счастье мне приснилось,
Я разгадать пытался сам,
Да предсказать не получилось.

Ты спишь, и сон твой обо мне!
Ты шепчешь, страстно улыбаясь,
То ли вопрос, то ли ответ:
«Там дождь идет», — не просыпаясь.

ЖДИ МЕНЯ

Жди меня у окна сто веков.
Я приду, изменюсь по дороге.
Ты не скажешь заученных слов,
Ты помоешь мои босые ноги.
Жди меня у окна десять лет.

С каждым годом, скучая, вздыхая.
На плите разогреешь обед,
Будет вкусно, заранее знаю.
Жди меня у окна целый день,
Он растянется в целую вечность.
Я приду со словами мольбы,
Проклиная мужскую беспечность.
Жди меня у окна каждый миг,
Даже если я вышел за хлебом,
Ведь всегда кто-то ждет из двоих.
Жди меня у окна, где б я ни был...

Юлия Боримская

г. Иркутск, ИГУ, 1 курс ф-та журналистики

* * *

Заплачу за свои грехи,
Все, что сделаны по судьбе,
Напишу я свои стихи
Для тебя, за тебя, о тебе.
Ты простишь, только ты поймёшь,
Что творится внутри меня;
Не отвергнешь, но не убьёшь
Жар бунтующего огня.
Я как будто таю и рвусь,
Душа мягкая, словно мох,
И боюсь, что не побоюсь
Засмеяться, чтоб слышал Бог.

* * *

Напиши мне письмо на песке.
Его смоев вечный прибой,
Но в любой кромешной тоске
Я всегда остаюсь с тобой.
На болоте лесной туман,
Я ищу тебя в гулкой ночи.
И я знаю: всё самообман,
Только громко сердце стучит.
Моё сердце гремит в висках,
Я блуждаю топкой тропой.
Всё твоё, всё в твоих руках.
Я навечно, всегда с тобой.
Дрожь по телу и мыслям идёт.
Память помнит то чувство и страх,
Когда мой наболевший лёд
Растворился в твоих чудных снах...
Распни меня, обними,

Нашу песню мы вместе поём.
Друг у друга мы в мире одни.
Ничего моего — все твоё.

* * *

Если солнце остынет до льдины,
Если ветер летать устанет,
Я слеплю человека из глины.
Он сильным, как лев, станет.
Эта грязь ничего не боится,
Ничего не хочет, не знает,
Ничего ему ночью не снится,
Он без смысла вперёд шагает.
 Попрошу я тихо, и мой великан
Принесет мне новое солнце.
Глиняным не страшно глазам и рукам:
Он сквозь космос стрелой прорвется.
И поставит на место светило.
Пусть всем станет живей и теплей.
Снова будет всё, как было,
Но жить с солнцем куда веселей!
Великан же в земле растворится —
Он не любит тепла и света.
И зачем за него молиться?
Ведь у нас здесь сегодня лето.

* * *

Тикают часы.
Длинные носы
Суют в окно концы
Своих больших усов.
Лающие псы,
Света полосы,
Неверные весы...
Не лучше ль без весов?..
Звёзды, блеск росы.
Это всё лишь сны,
Миллиарды снов.
Беззвучный шелест сов.
Полночные часы.
Двери на засов.
Над пропастью босы
Бредём мы без мостов...

* * *

Расцвети меня яркими красками,
Ключевой водой охлади.
И, не прячься больше за масками,
Своим голосом награди.
Залеплю я глаза бессонницей,

Растреплю лет прошедших бред.
Пусть желанье моё исполнится:
Пусть во мне всегда будет свет.
Ты прекрасно, постой, мгновение,
Напой меня кислым вином.
Пусть душа моя в опьянении
Всё забудет,
Что будет потом.
Спой сейчас в тишине, грёз моих король,
Ты меня изучил, ты всё знаешь,
Ты моих сновидений помнишь пароль,
Ты в бессмертном меня растворяешь.

Екатерина Алексеева

г. Железногорск

КАКАЯ ЧУДНАЯ ИГРА...

Какая чудная игра,
Когда ещё мы незнакомы,
То лёгкий жест, то взгляд нескромный,
Мною замеченный едва,
И ожиданье, спасенье
Вдруг всё — обманчивая мгла?
Твоя рука с моею рядом
Как бы нечаянно легла.

* * *

Сколько света нам под ноги брошено!
В бесконечность уходят улицы.
Мы на склоне бульвара Петровского,
Мы огнями Москвы любимся.

В том, что так случайно мы встретились,
Смысл есть, до смешного таинственный,
Может, так и было задумано,
Может, ты и есть тот единственный?

* * *

Что нужно мне для счастья?
Полные света улицы,
Ветер, сквозь пальцы струящийся,
Тот вяз, что смешно так сутулится.

Дмитрий Тимошкин. «Над городом»

Работа моя интересная,
Друзья мои и приятели,
И жизнь — такая чудесная,
И ты — такой замечательный.

ПОДАРОК

— Посмотри, луна какая... — он мне говорил,
И время попусту не тратя, её мне подарил.
Высоко в ночи морозной стыли тополя,
Получив такой подарок, рассмеялась я.
Он обижен: — Что смешного я сказал сейчас?
— Просто мне луну дарили уже сотни раз!

* * *

К. Л.

Если рядом проснувшись со мной поутру,
Ты мне скажешь: «Сегодня уйду я в тайгу»,
Я оденусь теплее, в тайгу — так в тайгу!
Ничего не боясь, за тобою пойду.
И пускай впереди километры пути,
И пускай впереди сотню гор мне пройти,
Сто лесов,
 Сто болот,
 Сто озёр,
 Сто морей,
Мне и в пропасть с тобою смотреть веселей.
Зверь ли встретится нам, человек ли лихой,
Я спокойна. Я знаю — ты рядом со мной.
Я везде за тобою без страха пойду,
Хочешь в ночь — значит, в ночь,
Хочешь в мглу — значит, в мглу,
Если хочешь — в мороз, если хочешь — в пургу,
Я везде за тобою без страха пойду.

Заповедное место. Глухая тайга.
Здесь не хожены тропы, река глубока,
Давит грудь край суровой своей красотой
Мне не страшно.

Ты рядом.

Ты здесь.

Ты со мной.

Татьяна Ягорь

г. Иркутск, гимназия № 25, 10 класс

* * *

Дайте сбросить якорь на пороге
Дома, чтобы стал он мне родным.
У сынишки проверять уроки
И газеты получать по выходным.

Кривое отражение зеркал,
Потёртые скамейки электричек.
Станция, ещё, опять вокзал
Стучащих незатейливых привычек.

У меня всегда с собой билет
На поезд, что умчит куда-нибудь.
Где дадут приют, а где обед.
Лишь поспать до утра — и в путь.
Помнит почти все мое притоки

Пара уже стёртых сандалет.
Жизнь — увы — прошла в пути-дороге,
И хотя бы на закате лет
Дайте сбросить якорь на пороге.

* * *

Завыть на луну с похмелья,
Безнадёгой наполнив вой.
Забыть о вчерашнем веселье
И идти по следам за тобой.

Бежать, вдыхая твой запах,
Подметая хвостом пыль земли.
Но вновь ощутив боль в лапах,
Подумать, а стоит ли?

Секунду помедлить и вновь
С прежним упорством бежать.
За звуки желанных трёх слов
На лапах в пыль когти стирать.

МНЕ СЕЙЧАС ПОЧЕМУ-ТО СТРАШНО

Мне сейчас почему-то страшно.
Перед будущим? — нет, перед прошлым.
Я теперь как кораблик бумажный,
Что первым снегом слегка припорошен.

Вроде бы всё ещё целый,
Но уже никому не нужный.
Ещё не дожил до апреля,
А уже навсегда простужен.

Примерзает бумага к асфальту,
Как листок, оторванный ветром.
В этой жизни мне уже хватит.
Может, встретимся еще где-то....

В ОГРОМНОМ ГОРОДЕ

Как это... просто в огромном городе
Среди сотен и тысяч людей,
Где всё подарено, потеряно, продано,
Слиться с неоновым светом огней.

Не бойся, поверь мне, это легко!
Неоновый свет равнодушен ко всем.
Это кажется только, что он далеко,
Протяни к нему руки — он близко совсем.

И лай собак не помешает уснуть,
Не нужно спешить, разрываясь на части.
Это не больно, только страшно... чуть-чуть.
Чуть-чуть страха и чуточку счастья.

Наблюдать свысока за пошлостью дней.
Затем, что подарено, потеряно, продано.
Быть равнодушным светом огней
Как это... больно в огромном городе.

Вера Гульева

г. Иркутск

* * *

Ты родилась, чтобы творить.
Я — чтобы разрушать.
И не согреет нас в пути
Покинутая мать.

Всегда вдвоем: ты — там, где свет.
Я — там, где тьма иду.
Ты — чистый горный ручеек.
Я — омут на пруду.

Один огонь горит в глазах.
Но твой огонь согреть
И осветить поможет дом.
Мой — только умереть.

Но жизни путь пройти вдвоем
С тобой обречены.
Две разных сущности в одной
Душе заключены.

СОН

И снилось мне лето
С дыханием душным.
Усталый трамвай, незнакомые люди.
Мы ехали вместе,
И я говорила,
Но все почему-то о вишнях на блюде.

Так медленно плыли
За грязным окошком
Одетые пылью листочки черемух
И солнце,
От зноя качавшийся воздух
И много, и много людей незнакомых

Мы ехали вместе,
Но будто чужие
И был разговор наш — увы! —
посторонним

Когда-то с тобой
Мы друг друга любили,
Но больше, конечно, об этом не
вспомним

Страница поэтши

НА ИГЛЕ

С каждой каплей ближе к сердцу
Яд стекает с остря.
Жизнь отныне не свобода —
Неотвратность бытия.

Нет ни воли, ни надежды.
Только древний, злой инстинкт
Сам собой на муку предан,
Брошен в темный лабиринт

Каждый вдох — напоминанье
Каждый выдох — приговор.
На игле душа распята
И расстреляна в упор.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Прошло всего пять дней, с тех пор как мой вертолет Ми-8 был сбит при высадке десантно-штурмовой группы в районе чеченского села Дышне-Ведено. Переносной зенитно-ракетный комплекс превратил вертушку в костер, а меня в обгоревший обрубок. Мой мозг еще жил, но руки и ноги уже не имели ничего общего с тем, что все остальные люди могли назвать руками и ногами. Я был без сознания, а когда изредка приходил в себя и боль становилась нестерпимой, мне вкалывали дозу кетонала, и я уходил в страну сновидений. Я знал, что ко мне прилетела жена. Я чувствовал ее рядом. Но мое обгоревшее лицо, вероятно, пугало ее, и я не хотел, чтобы она видела меня таким.

Лучше бы я погиб сразу. Но Богу было угодно сохранить мне жизнь и превратить ее в сплошную череду всплесков боли и мучений. Словно Всемогущий испытывал меня на прочность, искал и не мог найти предел моего терпения. Я уже не чувствовал и не знал, есть ли у меня конечности, глаза, уши. Все было болью. Где же укол?! Где?!

И вот, наконец, боль становится глуше. Она не уходит совсем. Она только отступает на несколько шагов. Боль ждет, когда я вернусь. А пока я улетаю...

Мое тело оставалось в душевной палате госпиталя среди хрипов и стонов таких же, как я, обрубков, а душа отправлялась в полет.

Я летел в прозрачном светлом небе. Подо мной изредка проплывали легкие, пушистые облака. Это было то, о чем я мечтал всю жизнь — физическое ощущение счастья. Счастье и полет для меня всегда были синонимами. В детстве я вовсе не собирался стать летчиком, хотя вырос в авиационном

гарнизоне. Я не чувствовал романтики в том, как мой отец уходил на полеты и возвращался. Рев тяжелых воздушных кораблей над нашим домом не будил мое воображение.

Интерес к авиации у меня появился много позже. Он пришел после книг Антуана де Сент-Экзюпери. Его философия нежного мужества, умения видеть сверху тропинки, ведущие от колодца к колодцу, от сердца к сердцу, привела меня в восторг. Я вдруг почувствовал, как это важно — соединять друг друга паутиной слов. Я стал пытаться писать. Писал стихи, новеллы, сказки. Но сейчас можно с уверенностью назвать все, что было написано мной в те юношеские годы, розовыми соплями.

Позже, в летном училище, я понял, что пора выбирать между авиацией и литературой. И та и другая муза требовали полной самоотдачи и не прощали измены. Я выбрал авиацию. Но с годами желание рассказать об увиденном становилось все сильнее. Убедив себя однажды в том, что Экзюпери из меня не получился, я запретил себе писать.

Но кто мог запретить мне поймать и спрятать в тайник памяти меткое слово, интересную историю. Тем более что в авиации каждый летный день наблюдательному человеку мог принести несколько сюжетов.

Пока я грузил себя воспоминаниями, зеленка подо мной стала слегка темнеть, тени на склонах гор стали резче. Ветерок, так приятно овевающий меня в полете, стал прохладней. Вдруг на горизонте, на фоне закатного солнца, я увидел черную точку.

Я даже не успел подумать, что это. Точка, приближаясь, росла, и вскоре я увидел девушку. Она была в легком бе-

лом платье, и чем ближе подлетала она ко мне, тем неестественней казалась мне её поза. Она летела, лежа на спине, запрокинув бледное лицо. Время от времени её тело принимало почти вертикальное положение, а затем голова все больше запрокидывалась назад, и она продолжала полет, двигаясь ногами вперед. Я раскинул руки и выполнил подъем переворотом для набора высоты. Потом облетел вокруг девушки. Она не реагировала. Глаза её были закрыты. Какое-то время мне даже не приходило в голову, что она мертва. Слишком хорош был этот вечер. Снизу слегка тянуло запахом листвы, дымом костра, свежескошенной травой.

Небо стало темнеть быстрее. Зажглись звезды. Скорость полета росла, а вместе с ней росло чувство тревоги. Словно кто-то ледяной рукой пытался взять меня за горло. Я, не знаю почему, стал снижаться. Выбрать площадку для приземления оказалось сложно, так как внизу было уже совсем темно. Вдруг словно театральный прожектор выхватил из темноты ровную площадку, на которой стоял стол. За столом сидел человек.

— Bravo! — сказал он и несколько раз хлопнул в ладоши, когда я приземлился. — Bravo! Вы, летчики, как дети. Радуетесь пустякам. Огорчаетесь из-за мелочей. Находите удовольствие в подражании птицам. Я смотрел, как ты заходил на посадку. Как ворон. Видел, как вороны садятся? Клюв вытянул, грудь прогнул, крылья растопырил. Вот так и ты. Грудь прогнул, руки растопырил. А зачем? Ведь летел ты сюда только потому, что мне этого захотелось. И твое красивое, грамотное приземление на этой площадке моих рук дело.

Я стоял молча, не зная, как себя вести. Чувство тревоги не проходило. К тому же я почувствовал какой-то странный запах, которого не мог вспомнить.

Человек за столом на мгновение замолчал, потер руки и, подняв голову, сказал:

— Ну, что же, проходи, садись.

При этом глаза его странно блеснули из-под темных, густых бровей. Я подошел к столу и сел, разглядывая человека за столом.

— Итак, со свиданьем, как вы

говорите, — он поднял бокал. — Ну, что ты стесняешься? Я ведь знаю, что ты любишь коньяк. Я даже знаю, что когда-то твой командир, полковник Азаров, сказал: «Настоящий офицер и летчик должен пить коньяк, на худой конец — водку, а остальное — баловство».

Да. Это было удивительно. Он знал об Азарове. Но я решил не удивляться. Что будет — то будет. Поднял широкий коньячный бокал и пригубил.

В лице моего собеседника было что-то восточное. Смуглая кожа, нос с горбинкой, черные волосы, небольшая борода. Его можно было назвать красивым, если бы не какая-то звериная, пугающая грация. Особенно портила его улыбка. Улыбаясь, он показывал крупные, ослепительно-белые зубы. «Прямо-таки персонаж для рекламы «Дирола», — подумал я.

— Не слишком ли мелко ты судишь обо мне? — усмехнулся восточный человек.

Я вздрогнул.

— Да! Я умею читать ваши мысли, ваши желания, ваше прошлое и ваше будущее. Как я вас — людей — хорошо знаю. — И он почти грустно усмехнулся.

— Что же ты не спрашиваешь, кто я? Догадываешься ли ты, кто перед тобой?

Он встал, и я увидел на его плечах алый плащ, подбитый мехом. Запах стал сильнее. Я вспомнил. Это был запах серы.

— Вспомнил?! — произнес он. — Молчи. Ты недостойн произносить вслух мое имя. Я сам произнесу его: Люцифер.

Стало тихо. Только горы повторили эхом: Люцифер... цифер... фер...

Он стоял, гордо подбоченившись, подвернув одной рукой свой роскошный алый плащ. Его смуглое лицо выражало восторг упоения властью и удовлетворение произведенным эффектом.

Мне стало смешно.

— Ты?! Ты смеешься надо мной? Над Люцифером, властелином и князем тьмы?! Ты — обгоревший обрубок. Полутруп, лежащий там — внизу. Неужели ты еще не понял, что я — твоя последняя надежда, твой последний шанс. Твой

Бог не уберег ни тебя, ни твой экипаж. Только я смогу изменить все.

— Чего же ты хочешь от меня? — прервал я его.

— Вот это уже мужской разговор — усмехнулся он и снова сел за стол. — Итак, майор Воронов, мне нужна твоя душа. Это звучит банально, но это так. Мне нужна именно та субстанция, которая сейчас находится здесь передо мной. Взамен я предлагаю очень и очень многое. Прежде всего, я предлагаю жизнь. Жизнь прекрасную во всех её проявлениях. О вечности я не говорю — её ещё нужно заслужить. Я могу вернуть тебя в прошлое и изменить будущее.

— Значит, мои ребята могут остаться в живых? — спросил я.

— Нет, голубчик, нет. Разговор идет только о тебе. Только о твоей жизни и о твоей душе. У тебя есть возможность не только летать, но и писать книги. Сколько прекрасных книг ты сможешь написать. Ты расскажешь о красоте облаков, о людях, подражающих птицам.

Его голос убаюкивал, завораживал. Я смотрел в его глаза, и моя голова начинала слегка кружиться. В этот момент Люцифер вдруг подмигнул мне. Это было так отвратительно, словно он предлагал украсть или ограбить.

— Скажи, а зачем тебе моя душа? — спросил я.

— Ты молодец, майор. Это хороший вопрос. Все наши поступки, добрые и злые, попадают на разные чаши весов. С одной стороны — добро, с другой стороны — зло. Вся жизнь — это борьба света и тьмы. Я Князь тьмы и хочу, чтобы силы тьмы поглотили свет. Поэтому я и скупаю души. Вы пополняете мое войско. Взамен я даю вам осуществление ваших желаний. Разве это плохо? Я даю вам то, что не смог дать Бог. Уже только это говорит, насколько я силен. Ты можешь сказать — Господь Бог не оставит тебя. Он уже оставил. Значит, он не так уж всемогущ. Ты только подумай, сколько времени добро борется со злом и не может победить его. Сколько времени люди подвергают сомнению могущество Бога и отдают свои души мне. А само разделение на тьму и свет — условно. Что есть добро?

А что есть зло? Кто знает, в чем истина? Истина в добре? А может, истина в зле, в эгоизме?

Неужели ты не видишь, насколько нерационально добро? Что ты делал в Чечне? Ты воевал. Ты же не подставил чеченцам и правую, и левую щеку. Ты отвечал ударом на удар. Значит, вел себя как настоящий мужчина. Помнишь девушку, которую ты встретил на пути сюда? Она была здесь и отдала мне свою душу за право любить и быть любимой. Давай же покончим с этим разговором и перейдем к формальностям. Никаких расписок кровью. Это пошло. Просто ты сейчас снимешь свой крестик и бросишь его в темноту. Просто бросишь. И все.

Он сам напомнил мне о крестике. Я вдруг ощутил его присутствие на груди, словно птичье крыло коснулось меня. Мне стало легче. Слова Люцифера, источавшие сладкий, дурманящий яд, уже перестали действовать на меня.

«Нет, — подумал я. — Отдать душу? Купить жизнь такой ценой? А как же мои ребята, мой экипаж? Значит, я должен буду предать их».

Моя рука медленно потянулась к нательному крестiku.

— Ну, вот и славно, — произнес было Люцифер, и вдруг лицо его исказила гримаса боли.

— Святой Боже! Святой и крепкий... — произнес я слова полузабытой молитвы.

— Нет! — пронзительно закричал Люцифер.

Боль закружила меня, пронзила мое тело сотнями иголок. Больно... Укол! Укол! Укол!

Медленно из темноты выплыло лицо жены. Я видел её страдающие, полные ужаса глаза, и мне хотелось, чтобы это быстрее кончилось. Как жаль, что я не могу рассказать ей о том, что я сейчас видел, что пережил. Сделали укол. И вновь потолок палаты закружился надо мной. Светлые и темные полосы вращались над головой, словно лопасти вертолета. Я даже услышал ровный гул двигателя и медленно-медленно стал взлетать. Потом шум двигателя затих, и я оказался один в небе. Это было так приятно! Полет на высоте двадцать пять — тридцать

Мир чужой

метров. Что может быть лучше! Я видел каждую травинку, цветы. Откуда-то тянуло кизячным дымом и запахом трав. Подо мной проплывали склоны гор, поросшие кустарником, а еще ниже, в долине, я увидел луг, заросший чертополохом. Тем самым татарником, который так хорошо описал Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат». В этот момент мой полет стал неуправляемым. Меня вдруг швырнуло в заросли чертополоха и понесло сквозь них. Острые колючки рвали на мне одежду, царапали кожу, я чувствовал кровь, струившуюся по лицу. Трижды галсами меня протасило по этому проклятому полю. Мне оставалось только утешить себя воспоминаниями о жизненной силе татарника, воспетого Львом Николаевичем. Наконец я, обессиленный, растянулся на траве. Исцарапанное тело ныло. Мой камуфлированный комбинезон превратился в лоскуты и пропитался кровью. Я лежал и смотрел на ближайший куст чертополоха, который венчала лиловая пушистая папаха цветка. Сочные, зеленые стебли и мощные раскидистые лапы листьев хищно растопырили иголки. Всем своим видом этот цветок угрожал. В нем была мрачная спокойная сила и угроза не только мне.

Вдруг куст, на который я смотрел, качнулся и стал расти. Чем пристальней я вглядывался в него, тем больше он напоминал мне воина, вооруженного множеством кинжалов.

— Ну что, летун? Долетался? — спросил воин. — Теперь ты лежишь в крови и грязи у моих ног. И так будет с каждым гяуром.

— А ты делишь людей только на правоверных и гяуров?

— Да. Так повелел мне Аллах. А я раб Аллаха.

— Это неправильно. Все люди разные: добрые и злые, тупые и умные, щедрые и скупые.

— А мне все равно. Для меня ты — жрущий свинину — сам свинья. Я вас

резал и буду резать. Вы мешаете нам жить по нашим законам.

Пока мы перебрасывались короткими фразами, я собирался с силами. Рядом лежала брошенная кем-то палка, и я пальцами пытался нащупать её.

— По каким вашим законам?! — выкрикнул я. — Вы получили свободу, независимость и создали бандитское государство. Вас следовало окружить стеной, плотным кордоном, и режьте друг друга, сколько хотите. А я защищаю свою страну, свою Россию от таких, как ты. Потому что вы просто бандиты, а вера тут ни при чем.

— Ах ты, баран недорезанный! — Он попытался достать меня кинжалом. Но я откатился в сторону, вскочил и палкой стал рубить стебли чертополоха. Я рубил, не обращая внимания на боль, пронзающую мое тело при каждом движении. Рубил лиловые головы, зеленые, колючие стебли остервенело, яростно, не замечая брызг крови из срубленных голов и листьев. Все мировое зло для меня было в этом чертополохе. Во мне жила только одна мысль, только одно желание: бить и рубить, бить и рубить...

— Милый, успокойся, милый, — услышал я голос жены и очнулся. Боль становилась все сильнее. Она опустошала меня. Я понимал, что, видимо, обезболивающее уже не спасает. Боль уже не хотела отступать. Кроме того, я не мог смотреть в глаза жене. Мне не хотелось оставлять её, а ей хотелось взять хотя бы часть моей боли себе. Этого я допустить не мог и взлетел.

Я летел, плотно прижав руки к телу, ввинчиваясь в ослепительную сверкающую синеву небес. Далеко внизу остались птицы, которые вначале пытались догнать меня. На горизонте снежными вершинами обозначили себя горы.

Ветер, который вначале ласково трепал мои волосы, теперь обжигал. Я улетаю все выше и выше.

Март, 2005

ЦАРСКАЯ ВЕЧЕРЯ

Это место называлось — Тихий Угол. В сердце Тамбовского чернозема, на опушке соснового леса, стояла маленькая деревушка из трех улиц, выходящих к реке Цне. Называли ее почему-то поселком. Улицы деревенского поселка не имели названий, а именовались порядками. Первый порядок, второй и речной порядок. Удивительным было и то, что стоял поселок на песке. Вокруг грязь непролазная, а на улицах Тихого сухо и чисто. Воздух, напоенный сосновой хвоей, горячий песок и речные запахи. Даже вода в колодцах Тихого была особенной. Слегка желтоватая от песка, она имела сладкий привкус. «Вку-усна-ая!» — растягивая гласные, говаривал местный люд.

Я не в первый раз бывал здесь и уже многих знал. А уж они все наверняка знали, кто я и к кому приехал. Нового человека в деревне примечают быстро. Так же быстро оценивают, определяя его суть, как правило, одним словом. «Квёлый он», — говорила баба Поля об одном знакомом. «А как это?» — «Да ни больной, ни здоровый. И ни к какому делу не приспособишь. Все сидить и молчить, а как скажет — то все невпопад».

Сколько лет бабе Поле, я не знал, но ее морщинистое лицо еще хранило следы былой миловидности, а прозрачные голубые глаза глядели на мир слегка удивленно и ласково. Она со спокойной улыбкой говорила о добрых и злых поступках односельчан, о горе и радости. Никогда и никого не судила. Свое отношение к людям выражала простыми фразами: «Помогай им Бог» или «Бог им судья». И в этих словах не было ни капли фальши.

— Приходи сегодня вечерять, — сказала мне баба Поля. — Сегодня Царь с кордона приедет.

Царем в Тихом звали сына бабы Поли Сережу, который работал лесничим. Царь — потому что царь леса, говорили мужики. «Уж он за лесом, как за дитем своим, смотреть. Ужо никому обидеть не даёт».

Сережа был заикой. Говорил тяжело, мучительно, вставляя между слов, для сокрытия заикания, междометия и различные присловья. Мудростью и

добротой он пошел в маманю — бабу Полю, но, как многие деревенские люди, был застенчив и робел перед незнакомыми.

Отказаться было нельзя — обида. Да и интересно мне. Про Царя говорили, что петь он мастак. «Уж как поеть, как поеть Царь — вся опукришься: то есть слезами обольешься», — говорили в Тихом бабы.

Когда вечером я подошел к дому Царя, еще только выпили разгонную и Сережа, расслабившись, расстегнув застиранную бязевую рубаху, говорил на любимую тему.

— Т...т...т...ты понимать должен, ежели человек, каждая травинка, каждое деревце, так сказать, жить хочет и к свету тянется.

Сережин отец — Иван, которого все деревенские называли дед Ванятка, шурился и кивал. Был он почти слеп. Носил громадные очки-линзы, любил выпить. А в подпитии рассказывал, что выжил на войне только из любви к своей Поли.

— Эх, Полия, моя Полия! — кричал он после третьего стаканчика. — В госпитале врачаха одна позавидовала на меня. А я ей говорю: кроме Поли мне никто не нужен. Я только Полию люблю.

С моим приходом общество оживилось. Баба Поля подозвала невестку Шуру, сказала ей:

— Юрка своёе вино пить не привык. Выставляй магазинскую.

Это она пожалела меня, так как по молодости лет самогонку я пить еще не научился. А потом пошли разговоры про политику. Будет ли война. И все ждали, что может сказать новый человек, то есть я. А я все ждал, когда же Царь созреет и возьмет в руки мандолину.

Наконец Шура вышла в другую комнату и почти торжественно вынесла Сережину мандолину. Все притихли. Сережа какое-то время тренькал, настраивая, а потом откашлялся и запел:

Выхожу один я на дорогу,
Сквозь туман кремнистый путь
блестит.

Мир прогов...

Куда только девалось косноязычие и заикание! Мандолина пела, дрожащим высоким голосом сливаясь с уверенным голосом Царя. Сам он сидел, закрыв глаза, и пел, словно проживая лермонтовский романс, умирая и рождаясь заново в голубом сиянии спящей земли, принимая на себя всю боль и труды крестьянских своих предков, их желанья и мечты о счастье, которое призрачно и мгновенно, а ожидание счастья вечно. Слезы текли по его лицу, падая на пеструю клеенку стола, на мандолину, и не было сил терпеть эту сладкую муку.

.....
 Песня кончилась. Все сидели молча, боясь что-то нарушить, вспугнуть возникшее чувство. Только дед Ванятка, всхлипнув, сказал:

— Эх! Хорошо, ядри тебя в душу.

Потом Сережа пел «Лучинушку», «Долю», «Гори, гори, моя звезда».

Когда я вышел на улицу, луна была уже высоко. Деревня спала. Вспомнился мне тургеневский рассказ «Певцы». Сколько же лет прошло с тех пор, как слушал своих певцов Иван Сергеевич? А ведь ничего не изменилось по большому счету. Идут годы, сменяются правители, рушатся империи, а душа русская не меняется.

Тридцать лет спустя занесла меня судьба в Сибирь. Идя по улице к торго-

вому центру города, вдруг услышал я издалека совершенно бархатный тенор:

В небесах торжественно и чудно!

Спит земля в сияньи голубом...

Что же мне так больно и так трудно?

Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Я подошел ближе и увидел сравнительно молодого, лет тридцати, человека с испитым, опухшим лицом, который, опираясь на гриф старой исцарапанной гитары, пел.

Уж не жду от жизни ничего я...

Глаза его были закрыты. Он жил этой песней. Люди, торопившиеся по своим делам, неожиданно останавливались и слушали. Если бы певцу сейчас пришло в голову повести эту толпу, он бы увел ее куда угодно. Но он пел, не догадываясь о своей власти над людьми. Пел, и слезы катились по грязным щекам, падая на потертые пальто и заплыванный асфальт. Мне тут же вспомнилась вечеря у Царя.

Господи! Что бы с Россией ни делали: спаивали, ломали, втапывали в грязь, лечили заморской демократией или шоковой терапией — она встает из грязи, сильная и чистая, словно росой омытая. На то она и Россия.

Январь, 2005

СОБАЧЬЯ МАМКА

— Ты не прячься. Иди сюда. Садись рядышком. Так и быть. Сегодня я тебе все расскажу.

Родилась я в маленьком шахтерском поселке в Ростовской области. Отец, вернувшийся по ранению с фронта, в перерывах между бесконечным празднованием обрюхатил мамку и загремел в зону за драку по пьяному делу. Был он лихим фронтовым разведчиком, вся грудь в орденах, и, выпив грамульку, начинал куражиться и кричать, потряхивая смоляным казацким чубом:

— Я восемь языков притащил, а вы тут что делали, курвы?

Бабы его любили... Потому и дрался он везде: в чайной, в станционном буфете и просто на улице из-за очередной подружки. За что и сажали его время от времени.

Так я и росла без отца. А когда мне исполнилось пять лет, отец неожиданно приехал после очередной отсидки. Приехал и стал уговаривать мать отдать меня ему. Дескать, он устроился, получает хорошие деньги. Домик свой у них с новой женой. Время было голодное, а у мамки, кроме меня, две старших дочери от первого мужа, который погиб еще на финской войне. Приехал отец не с пустыми руками. Привез мамке

платок пуховый, сестрам по косынке, а мне куклу. Я таких игрушек отродясь не видала. Блондинка с большими голубыми глазами в белом платье и синих туфельках с бантиками. Эти бантики на туфельках меня просто сразили. Королевский подарок. Даже говорить нечего — я готова была поехать с отцом куда угодно. Да и он сам: красивый, веселый, в темно-синем габардиновом костюме — был именно таким, каким видела я его в своих детских снах. Конечно же, он всех уговорил и увез меня в Казахстан. Хотя зачем я ему была нужна, я так никогда не узнала.

Еще в дороге начал папанька гулевать, и приехали мы в Казахстан уже без куклы. То ли украли её по дороге, то ли папанька продал. Даже не знаю.

Встретила нас папкина сожительница тетя Клава вполне нормально. Погладила меня по голове, накормила борщом. Папке сказала:

— Опять, кобель, все пропил.

Стали мы вместе жить.

— Дуся! Да ты меня не слушаешь, моя хорошая. Сейчас я тебе дам попить и дальше буду рассказывать.

— Все? Попила? Ну иди ко мне и слушай.

Целыми днями я бегала с детворой по улицам. Домой заглядывала только поесть. Да и не всегда получалось. Бывало, прибегу, а никого нет. Пока лето — не страшно, а осень пришла, стало холодать. Однажды вот так прибежала я домой, а в окнах темно. Дверь закрыта. Холодно и есть хочется. Тогда я решила залезть в собачью будку. Жил у нас большой лохматый и злой пес, которого звали Волк. Чужие не могли во двор войти. Волк признавал только отца. Меня и тетю Клаву он терпел. Когда я полезла в будку, он зарычал. Мне стало очень страшно, и я заплакала.

— Волк, Волчок,пусти меня, пожалуйста, — попросила я.

Волк перестал рычать, и я влезла в будку.

— Спасибо, Волчок, — сказала я.

Наверное, он все понял. Потому что лизнул меня в нос. Я обняла Волка и еще громче заплакала. Волк вылез из будки, и тут же, гремя цепью, вернулся обратно. А потом положил передо

мною корку хлеба. Это он вытащил из своей миски. Эту корку я съела. Обняла Волка и, согревшись, уснула. С тех пор я больше жила в собачьей будке, чем дома. Волк стал мне роднее всех моих родственников. Он меня и защищал, и согревал, и делился своей едой. Частенько мы с ним из одной миски ели. Однажды папанька за что-то хотел меня наказать. А я вырвалась и прямиком в будку, к Волку. Только отец туда сунулся, Волк на него как зарычит и клыки свои показывает. Ну папанька осерчал, кинулся в дом и выбегает оттуда уже с ружьем. Тут я выскочила из будки, кинулась папке в ноги, обняла его колени, а сама кричу:

— Папочка, папочка! не убивай Волка. Лучше меня убей.

Посмотрел папка на нас и ушел молча в дом.

Ты это... Дуся, не волнуйся. Я сейчас слезы вытру, просморкаюсь... Ну вот, стали мы дальше жить. Да только папка все пил, пока его снова не посадили. Тетя Клава меня не гнала, но и не привечала. Она сама по себе, а я сама по себе с Волком. Только заскучала я сильно по маме. Не знаю, что со мной сделалось бы, если бы соседи маме моей письмо не отписали.

Ну, приехали за мной и забрали домой. Все бы хорошо. И как только я могла Волка там оставить! Был он мне и мамой, и папой, и подружкой. Но ведь уехала.

Но с тех пор я собак так люблю, так люблю... Ну, ты сама знаешь.

Как я в школе училась, я рассказывать не буду — неинтересно это.

Когда школу закончила, стала думать: а что дальше? И не придумала ничего лучше, как пойти на военную службу. Одноклассница присоветовала: иди, говорит, в военкомат и оформляйся. В армии и жениха найдешь, и в люди выйдешь. Вот так я оказалась в Тарту, в Эстонии. Служила я в лёгкой части, которой командовал Джохар Дудаев. Конечно, сейчас все говорят — злодей, преступник. А я ничего плохого про него сказать не могу. Встал вопрос: маму перевести ко мне в Тарту. Но не в общагу же её везти. Пошла я прямиком к Дудаеву. Выслушал он меня внимательно. А ведь кто я для

Мир иродов

него — писарь эскадрильи, ефрейтор. Выслушал и говорит:

— Мать — это святое.

И распорядился выделить мне комнату в малосемейке. Вот такой он был человек. А что там дальше с ним вышло — меня не касается. На службе я и Петровича своего встретила, хорошего летчика. Ну, все его хвалили. Только для меня это не важно было. Я как его увидела — обмерла. Красивый, усы черные, глаза блестят.

Влюбилась — до смерти! А он был женат, и ребенок у него имелся. Жена его Лариска — натуральная шалава была. Как-то мы с ней оказались на каком-то празднике в одной компании. Я — сама по себе, а она с любовником. Набралась я нахальства и говорю ей:

— Лариска, как же ты можешь от такого мужика гулять? Ведь твой Петрович лучше всех в полку.

А Лариска подбоченилась так и говорит:

— Кому бы это сокровище отдать? Я бы еще и приплатила.

Ах так, думаю. Уж я счастья своего не упущу. И увела его. Расписались мы. Все честь по чести. К этому времени мне уж сорок годков стукнуло. Рожать поздно. Но нам и так не скучно было. Петрович во мне души не чаял, а я в нем — тем более. Я с ним только себя женщиной почувствовала, а то все пацанкой была. В полку меня так и звали — ШП, швой парень. И все бы хорошо. Но забарахлило у Петровича сердечко. Списывают его с лётной работы. Я было обрадовалась. А Петрович

заскучал и попросился в авианаводчики. В аккурат, в последний год афганской войны он на эту войну и угодил. Уж я его и так и эдак отговаривала. Да разве мужики послушаются. Приказ, говорит, положено — не положено. Им война да воля, а нам слезы.

Ты не волнуйся, Дуся. Я сегодня больше плакать не буду.

Вернулся из Афганистана Петрович в цинковом гробу. Похоронила я его. Вот и все письма от него лежат стопочкой. Каждый вечер перечитываю. И сама ему письма пишу. Все эти годы пишу. Я бы написала: «Петрович, миленький, забери меня отсюда». Да как же я вас, мои хорошие, оставлю. Всё. Всё. Я сегодня уже плакала. А вскорости и мама умерла. Перед смертью стала вся маленькая, сухонькая и все винилась, что тогда меня отцу отдала. А сестры где — даже не знаю.

Стала я привыкать жить одна. Ну не одна, конечно. Мамку твою, Машку, помнишь? Мне её ещё Петрович подарил. Привез из Москвы маленьким кутенком, в корзинке. А потом ты, Дуся, появилась. Тошу мы на улице подобрали со сломанной лапой и вылечили. Гоша прошлой зимой к нам сам прибился. Что, маленький, голову поднял? Да! Про тебя говорим. Вот с тех пор, как на улицу выйдем, так ребятня кричит:

— Собачья мамка гулять вышла!

Собачья мамка. А мне все равно. Сейчас я вам всем водички налью, залезу в постель, обниму Дусю, Тошка и Гоша в ногах устроятся, и мы уснем.

Январь, 2005

Николай Вяткин

Родился в п. Алзамай Нижнеудинского района Иркутской области. После окончания средней школы учился на филологическом факультете ИГУ.

Много путешествовал по России, жил на Северном Кавказе, в Подмосковье, в Прибалтике.

Писать стихи начал с раннего детства. На данный момент изданы две книги поэта: «Река, впадающая в небо» и «Рябиновый дождь». Сейчас готовится к выходу еще один поэтический сборник. В 2000 году был принят в члены Союза писателей России.

Живет в пос. Тальцы.

Снег блестит за окном, он засыпал следы в никуда.
Я там был, я ходил по дорогам безверья.
А теперь, в леденящие мир холода,
Сердцем стал осторожнее зверя!

Не спешу и не рыщу, но тихо коплю
Мудрость змея и голубя нежность.
Незаметно беспечную жизнь разлюблю,
И останется мне неизбежность

Обожать сирый дым, застолбивший кругом небеса,
И над избами месяц в морозном тумане.
Зимний лес и суровых людей голоса,
И отсутствие денег в кармане.

Столько было растрчено дней золотых
По дворцам и задворкам державы,
Что теперь за безумную спесь молодых
Я не дал и копейки бы ржавой!

ЛЕБЕДИ

Знаешь ли, милая, лебеди любят
Влагу таежных озёр глухоманных.
Ружья свинцом смертоносным не рубят
Крылья, плескающиеся в туманах.

Черные ёлки лезут по снегу
В горы, где солнце стекает на скалы.

Видишь, плывут по высокому небу
Лебеди белые в озеро алое?

Слышишь, скорей распахни своё сердце,
Это виденье останется с нами.
Памятью этой мы сможем согреться —
Белые птицы... закатное пламя!
Там пылает огонь очищенья!

Нет, не старость опасна с приветным лицом,
Со своим подколодным шипящим словцом —
Страшен друг, что с обрыва когда-то
Канул в адскую пропасть событий шальных
И себя потерял, и надолго затих,
И вернулся исполненный яда.

НИЩИЙ

Домой меня везла ночная электричка.
Скакала за окном над саваном полей
Рогатая луна, и вспыхивали спички
Далеких деревень в таежной снежной мгле.

В дремоте было мне ни холодно ни жарко,
Но голос хриплый вдруг меня вогнал в тоску:
«Сограждане, прошу, подайте сколь не жалко —
Я с немцем воевал, я защищал Москву!»

Испитый старикан в проходе меж сидений
Ушанку протянул и на колени встал.
Нам всем не просто жить — в людских глазах смятенье:
Зачем ты не убит? Зачем не генерал?

В вагоне, как в гробу, смертельно тихо стало,
Тревожно женщинам и горько мужикам.
За окнами луна над снежной мглой скакала,
И тени от столбов хлестали по щекам.

Он встал и вновь побрел вслед за судьбой жестокой.
На пьянку ли, на хлеб — пойди его спроси —
Я мелочи наскреб вдогон ему немного —
Ведь победителей не судят на Руси.

СОЛДАТ

Под луной мертвый город в руинах лежит,
По нему человек в камуфляже бежит.
Он трофейную фляжку и рубец на щеке
Поимел за свою боевую задачу.

Неприятеля ухо висит на шнурке —
Талисман на удачу.

Плачь, милая, плачь...

Он бежит по руинам в глубокую тьму,
И луна вдруг в лицо заглянула ему,
А в лице его жизни ни капельки нет:
Желтый полускелет девятнадцати лет.
Руки цепкие держат как надо
Вороненую сталь автомата

Плачь, милая, плачь

Он бежит, и следы порастают быльем.
Снайпер бьет из винтовки прицельным огнем.
Сколько дырок уже в человеке!..
И ему не вернуться вовеки.

Плачь, милая, плачь ..

Вот с кем пристало мне в жизни соседствовать,
Рыбу ловить и стихи сочинять,
Странствовать в смутное время и бедствовать,
В лодке отвязанной спать!

* * *

Забытая рукопись; где-то в столе
Пылится, томится... Захлопнута дверца.
Но если в стихи мои вложено сердце,
Зачем своё сердце держу я во мгле?!
Там хлебное поле, и ветер босой
Идёт над землёй, колоски задевая,
Там вьются стрижи над речною косой;
Там лес и болото, и глушь вековая,
Там столько всего, что дрожит и парит,
Мерцает, звенит, замирает и тает...
Там камень о думах своих говорит,
Там небо синее, чем в жизни бывает!
Но вьются стрижи, значит, будут лететь
Весёлые стрелы дождя с поднебесья,
На солнце блеснёт наконечников медь,
И с далью обнимется радугой песня!

МЕСЯЦ МАЙ

Я уже забыл ее голос, только иногда у речного плеса, глядя на звенящую на камнях воду, когда птица запоет в сонной зелени деревьев, постую, задумаюсь, затоскую на мгновение.

Время стирает не только камни...

Она была хрупка и прекрасна, как цветущая лилия, а я так юн, что поначалу при встречах с ней не мог вымолвить и слова, щеки горели, а пух над верхней губой покрывался капельками пота.

— Здравствуй, — говорила она.

— Здравствуй, — молчал я.

И все же я пригласил ее в кино. Купил билеты и ждал на скамейке под тополями. Майское солнце качалось в молодой листве. Ветерок играл с пылью на асфальте. Дома, умытые первыми ливнями, были обновлены.

Она появилась из переулка в желтой, как взбитое яйцо, куртке и синих джинсах. Когда она подошла ко мне и, улыбаясь, убирая со лба русую прядь, посмотрела на меня своими озерными глазами, я чуть не дал стрекоча.

В сумраке зала мы сидели рядом и наши локти соприкасались. На экране, раздавленная обезумевшим слоном, умирала пожилая женщина с алой точкой во лбу, а ее муж кому-то все мстил и мстил. Нас охватывала тревога, мы тесней прижимались друг к другу, и меня обжигал огонь. А когда в конце фильма выросший сиротой молодой индеец в белой рубахе с гирляндой цветов на шее молился в храме перед бронзовой статуей Кришны, я положил руку на ее ладонь и ужаснулся: пальцы были ледяными.

Из кинотеатра мы вышли на вечернюю улицу уже почти родными людьми. Я провожал ее. Она жила с бабушкой в избе на окраине города. Улицы и переулки были по-весеннему грязны, в высыхающих лужах плавился закат. Мы шли медленно, словно во сне, в каком-то томительном танце. У палисадника, где густая черемуха нависла над штaketником, мы целовались. Я возвращался домой, подпрыгивая, так легко мои ноги отрывались от земли.

Месяц мы встречались с ней то у реки, то в заброшенном саду. Ходили в кино и на танцы в клуб. Летом внезапно умерла ее бабушка, и какие-то родственники увезли ее из нашего городка. Она не ответила на мое третье письмо.

Я больше никогда ее не видел. И, конечно же, страшно увидеть когда-нибудь.

Время стирает не только камни...

Страна поэзии

Страна поэзии

№ 1 (20) 2005

Марина Диденко

г. Иркутск, гимназия № 25, 10 класс

* * *

Мокрые капли дождя выучу я наизусть,
Лишь бы они от меня прочь унесли эту грусть.
Больше не надо огня — яркого света боюсь,
Нету мечты у меня, я за мгновенье держусь...

Если придешь в темноте, осень запутает след,
И листопад заметет пламя ушедших побед,
Нету мечты у меня, я за мгновенье держусь,
Но потеряться в словах я, как и прежде, боюсь...

* * *

Дорога так далека,
Что я устала бежать,
А в голове пустота,
Я начинаю скучать
По долгим серым дождям
И по дневной суете,
По чашке кофе с утра
Да по мечтам о тебе.

А ты идёшь где-то там,
Грустишь о чём-то своём.
Так светит ярко луна,
И вам не скучно вдвоём.
А время быстро течёт,
Ему всегда всё равно:
И что дорога пройдёт,
И что луна высоко.

Евгения Шикueva

г. Иркутск

* * *

Улитка. Да, мой милый, я улитка.
А ты орлом взлетаешь в небеса.
Но в небесах так пусто и так зыбко
И слышатся чужие голоса...

А я земная. Я ползу по краю.
 На небо глядя только снизу вверх.
 И вновь, дурная, травку подстилаю,
 Когда ты кубарем летишь с небес.

АЛГЕБРА ЖИЗНИ

Жизнь — тот же экзамен, как я поняла.
 Там — быть или не быть, тут — сдала, не сдала.
 Как множество чисел, так боль без конца...
 Морочит наука про свойства кольца.

Сложение, разность — гудит голова,
 И сердцу задачу вновь жизнь задала.
 Любовь и разлука, что делать, как быть?
 Принять и умножить, отнять и забыть?

Что складывать? Как бесконечность отнять?
 Судьба — не индейка, ни дать и ни взять.
 И как в поле вычетов модуля два
 Найти безответные альфа-слова?

По алгебре жизни экзамен сдаю...
 Все знать невозможно, опять завалю.

ТЕРЗАНИЯ У ТЕЛЕФОНА

Не позвонить! Ах только бы суметь
 Не подойти к коробке телефона...

А можно подойти и... взмахом по рукам
 Отдернуть! Не подняв шальную трубку...

А впрочем, можно и поднять... и положить...
 Шагами меряя пространство возле.

Хотя... быть может... стоит и набрать
 Полномера...

Нет!

Номер!

Пару двоек,

Затем восьмерку, триста сорок пять...

И промолчать... Молчать. Молчать! МОЛЧАТЬ!!!
 И трубку положить, не проронив ни слова...

А после отойти...

Но нет!

Знакомый слыша голос, забываю
 Свои обеты, и шепчу тебе: «Привет».

НАПИШИ МНЕ ПИСЬМО

Ю. А.

Напиши мне письмо. Я, быть может, отвечу
А быть может, для этого сил не найду.
Все равно напиши в тихий ласковый вечер,
Доверяя бумаге всю боль и беду.

Напиши. Напиши! Я прочту, обещаю.
Я почувствую все, что поведаешь ты.
Я налью себе крепкого свежего чаю
И придумаю способ исполнить мечты.

О тебе не забуду и стану молиться,
Чтобы утро жестокую боль увело
И к тебе на плечо села синяя птица.
Об одном лишь прошу — напиши мне письмо.

Я РАЗВЯЖУ ЕЩЕ ОДНУ МИНУТУ...

Я развяжу еще одну минуту
И, щелкнув пальцами, отброшу вдаль!
Я выгоню из дома Музу-смуту,
С ней вместе вдохновенье и печаль.

Наряд надену из тугих объятий,
Накидкой сделаю молчанья тьму
И туфельки на каблуках в тон платью...
Пойду встречать еще одну весну!

.....
Но не могу себя перебороть я...
Объятья мне малы и где-то жмут.
...А на полу валяются лохмотья
Развязанных и брошенных минут.

Татьяна Боборыкина

г. Иркутск, ИГЛУ

* * *

Безумно желтеет луна
На небе беззвездном, пустом.
Судьба подарила мне жизнь,
Сполна переполнив огнем.
Застенчиво, глупо, смешно
Я жмусь, испугавшись, к стене.
Холодный и грязный бетон

Становится ближе ко мне.
Краснею, серею, чернею.
Бреду среди темных домов.
Пугаюсь, немею, бледнею
От мутных, размывчатых снов.
Окутано тьмой облаков
Беззвездное небо ночное.
Судьба подарила мне счастье
Болезненно, глупо смешное,
Считаюсь, страдаю, болею,
Играю, скучаю, ищу.
Найду, потеряю, согреюсь,
Замерзну, усну, упаду.

Ирина Игнатенко

ИГЛУ, 3 курс

МОЙ ПУТЬ

Оставь меня, меня одну,
И не следи столь зорким глазом,
Все чувства рухнули ко дну,
Не по отдельности, все сразу.

И там, где ключ бьет у горы,
Я на колени опускаюсь,
Ладонями напьюсь воды,
И на восток перекрещусь.

В потемках, босыми ногами,
Пойду домой по бездорожью,
Весь путь уж занесло снегами,
Я проложу свой осторожно.

Елена Карабанова

г. Иркутск, ИГУ

ВДОХНОВЕНИЕ

По ночам приходит вдохновение:
Постучит тихонько мне в окно,
Назовется ветра дуновением,

Подними глаза — и вот оно.
Вдохновение — капризная случайность.
Вроде есть оно, и нет его.
Не воспринимай его как данность,
Ты люби, благодари его.
Не называть его прикосновеньем,
Не предстать ему твоим очам.
Сердца стук зовется вдохновеньем,
Вдохновение приходит по ночам.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество в спину колется,
Одиночество в душу просится,
И хохочет, как то пророчество,
Что не хочется, но сбывается.

Как аукнется, так откликнется,
На меня свысока накинется,
Защекочет и забеснуется
Одиночество без конца...

Что ж тебе, одиночество, хочется?
Что ж ты ждешь от меня, колючее?
Ждешь, что прошлое воротится,
Безнадегою кипучею?

Что пойму я, что бед наделала,
Что жалеть начну о содеянном?
Что закроюсь от света белого
Пеленою из слез сделанной?

Одиночество бестолковое,
Одиночество слезливое,
Я цепями его закована
И затоплена слез ливнями.

Дарья Крушинская

п. Селенгинск

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Звёзды мерцают, наверно, от холода,
Впрочем, у них холоднее, чем здесь.
Это бриллианты, не нужно им золота.
И небосвод в драгоценностях весь.

Дмитрий Тимошкин. «После грозы»

А на земле, повторяя мерцание,
Проигрыш свой понимая сама
И в светотени, блистая сиянием,
Царствует в белом старуха зима.

Всё забываешь под скрип и сверканье,
Кажется лето всего только сном.
Ночь так длинна, что похож на мигание
Тот промежуток, зовущийся днём.

МАРТ

Март целует расстрельно капелью
Не куда-нибудь — прямо в висок,
Отдаваясь смертельно гуденью,
Ускоряя земли кровоток.

Ускоряя течение жизни,
Не вдаваясь в «зачем?», «почему?»,
Март расскажет не скучно, не книжно
Про великую силу — Весну.

ЛЕТО

Ради лета, в сущности, живём.
Ради солнца и травы зелёной,
Ради речки, моря, ради звёзд,
Что сияют в тёмном небосклоне.

Даже ради тёплого дождя,
Что, на струнах отражаясь эхом,
Сладкою истомою звеня,
Напевает звонко слово «Лето».

* * *

Жёлтое жёлтому рознь.
Вон как желтеет листва,
Но понимаешь, что всё же,
Всё же она мертва.

А под листвой одуванчик
Тоже блестит желтизной.
Солнца потерянный зайчик,
Лета подарок живой.

* * *

Я знаю, где солнце. Я знаю, где свет.
Я знаю, где выход, которого нет,
Я знаю, что шепчет сегодня луна,
Я знаю, но рвётся со звоном струна...

* * *

Слишком темны глаза
К этому белому снегу.
Ты не вернёшься сюда,
Хоть и сказал: «Приеду».

Слишком желты белки,
И ни во что не веря,
Слишком прекрасен ты
Очарованием Зверя.

Слишком? Но нет, я лгу;
Чтоб утонуть, чтоб пели
Сквозь непроглядную мглу
Чуть потеплее метели.

* * *

Всё вращается по спирали,
Возвращается, сделав круг.
Ухожу я оттуда, где ждали,
Ухожу я туда, где не ждут.

* * *

*Моей маме
Крушинской Ольге Александровне*

Мама, я помню шторы
Серые с крупным цветком,
Тёмно-малиновой розой
И солнечный свет за окном.

Ещё вспоминаю стены
С зелёной извёсткой на них.
Наверно, хорошее время
Было для нас двоих.

Я помню, как ты улыбалась,
Движения глаз и губ.
И, кажется, я смеялась,
Но в памяти стёрся звук.

А мир был таким доступным
И проще, чем три рубля!!!
И было мне так уютно
Лежать на руках у тебя.

* * *

С неба звезда упала
И озарила светом,
То, о чём сердце знало,
Разум, маня ответом.

Должен был крик родиться,
Что сокрушил бы небо!
Но его скрыла птица
За пеленою снега.

И темнота лечила
Зренье глухою слепью...
Слышно, как жизнь бродила
Рядом с подругой смертью.

Как немота прорвалась
Быстрой бессвязной речью,
Что бредом в ней сплеталось?
Знает лишь ночь над степью.

Марина Шамсутдинова

г. Иркутск

* * *

Снежное сияние деревьев,
В облака закутанных берез.
Неразрывность утонченных звеньев
Закалил под градусом мороз.

Закрутил в седую паутину,
Заманил в тенета декабря.
Белою болотистой глиной
Залепил и реки и моря...

На веревке мерзлая простынка
Бьется на прижимистом ветру.
А душа застыла словно льдинка.
«Наломавши дров» — слезу утру.

Чет и нечет, словно черт и нечерт —
Белая и черная черта.

Скоротаю божий день и вечер,
И сойдет на землю чернота.

Затоплю спасительницу печку,
Мой сверчок заплачет на шестке.
Из трубы взметнется к Богу свечка,
Жар с золой оставлю кочерге.

ПОЭТ

Виновен этот день и свет,
Азарт его и тлен.
За то, что выдумал поэт
Себе высокий плен.

И думать больше не моги
От власти сонных муз,
Сбежать захочется — беги,
Не сбросишь тяжкий груз.

Он по ночам мешает спать,
Из дома гонит прочь,
Ты оставляешь кров, кровать
И что-то шепчешь в ночь.

* * *

Город бьется в сетях голубой паутины,
Словно рыба об лед, словно сом в ледостав.
Шапку снега на брови из елок надвинув,
В снежной спячке забылся зимний лес. Я устал:

От нелепой, бессменной борьбы с бездорожьем —
Сущий с круч Араратских наблюдает как сын —
Несмышленный балбес его с грязною рожей
Водит стайку машинок по дорогам крутым.

А по этим дорогам до тебя не добраться,
Кто же горние тропы асфальтом мостит?
Посреди перекрестка напился, надрался,
Протрезвел... и остались лишь горечь и стыд.

Нет дороги прямей, чем стежок по равнине,
Снежной белой равниной, пешочком домой,
Где назначена встреча...
о маленьком сыне —
Он обещан мне в городе ранней весной...

А дорогу судьбы не проложит по карте
Мне библейский Сусанин — пророк Моисей.
Я бреду по дороге, я ищу, я на старте,
До тебя бы добраться, до любимой своей...

Сергей Перфильев

г. Иркутск

ГОЛОСА ПРОШЛОГО

Вот: небольшой измятый листок, лежащий на столе чужой пьяной квартиры. На одной стороне — печатные буквы, представляющие собой агитку очередного кандидата в депутаты, на другой — несколько невнятных, чуть небрежных бегущих строк...

Это — стихи, подписанные «А.И.»

Мне кажется, я слышал голоса...
А это — снег скрипит под сапогами.
Направо — кладбище,
налево, между нами —
Дорожная чернеет полоса.

Строчки, написанные торопливой рукой, несколько невнятно. И то правда: на улице — зима, мороз. Долгая-долгая, непрекращающаяся сибирская зима...

И увидел я внутренним взором: германская война, тёмно-серая дымка над окопами, скрип снега под солдатскими сапогами и штыки, штыки... И тёмное пятно, постепенно расходящееся от невидимого глазу эпицентра взрыва.

Кровь.

И непонятно мне: германская ли, Первая мировая война?.. Финская ли кампания?

...Однако отчётливо вижу и слышу только одно: скрип снега, окопы и тёмную дымку над сонной округой...

Этого не понять, не прочувствовать — ни в просвещённом XIX, ни в варварском XX веке. И действительно, где и когда жил автор этого стихотворения, Александр: в России или Германии? Где и когда рождались эти прихотливые, напоминающие морозную вязь, строфы: в оснеженной избе под Псковом, уходя ввысь вместе с пушистыми дымами? Или в Дрездене, Эссене или Майнце — в перерывах между занятиями в юнкерской школе? Но ведь та юнкерская школа могла быть и под Петербургом, в Ораниенбауме?.. Или он писал их, сидя на берегу Женевского озера, после тяжёлой контузии и длительного лечения?..

Возможно, некоторым не понять, когда одна часть сердца — Германия, а другая — неизменно Россия. Но так уж они соединились, а разъединиться и разойтись им уже не суждено.

Мне кажется — я слышал голоса...

Для меня любая военная лента — абсолютно беззвучна. Тем более — когда Первая мировая война. Ведь кадры чёрно-белой кинохроники донесут абсолютно всё... И облако иприта (он же — горчичный газ), и низко летящий над северными болотами аэроплан — смертоносную игрушку братьев Райт...

Дымку рассвета, окопы, кровь.

А границы — могут быть только на карте; в сердце человека границ нет.

Именно потому Александр и продолжает беседовать со своими товарищами, кои давно уже растворились во времени и пространстве. Он продолжает вслушиваться в их голоса? «Бдения по усопшим, согласно хору Магутинской церкви...»

Так вот. И не понять, который час на твоих CASIO или SEIKO: восьмой — вечера или двенадцатый — ночи?..

Какая разница? Ведь голоса эти давно уже в вышине, следовательно пребудут с нами вечно.

...Налево между нами —
Дорожная чернеет полоса.

Уже достаточно поздно, многого глаз теперь и не разберёт, но то, что страшная чёрная полоса разделила две жизни, две судьбы (им не сойтись!) — это автор знает точно.

Скоро он придёт в дом, где снимает небольшую уютную комнату (однако же — с видом на погост), пройдёт в кухню, выпьет рюмку чая, задумается и напишет эти, а может быть, другие строчки, чтобы через какое-то время неизменно оставить эту судьбу, сей дом.

Можно пройти в комнату, включить настольную лампу или остаться в сумерках, но ты неизменно увидишь и услышишь то же самое, что и один век назад: скрип снега под солдатскими сапогами, шапка рассвета над ипритным облаком, штыки и окопы...

Германия и Россия — их не разъять!

БАБОЧКА И БОТИНОК

Не далее как вчера шёл я утром по улице. Люди, как всегда, спешили на работу. Район был не то чтобы спальный, но и не центральный... Отнюдь. Рядом с типовыми панельными пятиэтажками — а точнее, среди них — возвышался достаточно современный многоэтажный корпус из стекла и бетона, чем-то напоминающий двадцатипалубный пассажирский корабль. Впрочем он ещё был наполовину окружён железобетонным забором.

Где-то под крышами домов гоношились голуби, зеленела листва, окруженная прожилками осени; а чуть в стороне от асфальтовой дорожки валялся старый стоптанный ботинок. Конечно же, без шнурков, печально высунув язык. Хотя и был снабжен какой-то непонятной ветхой провололочкой со следами ржавчины... На ботинке сидела бабочка.

На старом, выброшенном, изношенном и грязном ботинке (по всей видимости, в мазутно-креозотовых пятнах) — сидела яркая бабочка с жёлтыми пятнами на фиолетово-бархатном матричном фоне крыльев. Словно маркиза де Помпадур, позабыв клавишину в гостиной и отправив куда подальше своих домашних, — решительно сменяла лиловые апартаменты стиля рококо на захолустную деревенскую телегу, скрипящую на неизменных ухабах — ухабах жизни... Увозящую в даль... (Не так ли увозили-то и не в «сияющую даль», а на казнь, на плаху, на гильотину... Подобных ей — неизменно сиятельных господ — в эпоху якобинского террора?)

Впрочем, бабочка вскоре упорхнула, — поближе к Солнцу и ярким цветам, расположившимся чуть поодаль, на балконе. «О, бабочка, о, мусульманка!..»

Сегодня по этой асфальтовой дорожке, окруженной полынью и подорожником, репейником и тысячелистником, прошли десятки людей... На службу. Das Amt.

Заметил ли хоть кто из них: изодранный и грязный, весь в пятнах, следах от судьбы, башмак? И бабочку, красивую и лёгкую, летящую теперь уже высоко от земли? Нам не узнать.

Екатерина Спиридонова

г. Иркутск, ИГЛУ

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Хочется бежать от любви,
Как от надвигающейся вол-
ны,
зная, что она все равно на-
стигнет.

Таких зайцев в природе не существовало, а он жил. Жил и смотрел вдаль глазами цвета беспокойного моря. И мечтал... Мечтал взлететь, воспарить над миром и не чувствовать собственного веса.

Ужасно глупо надеяться, что в природе появятся летающие зайцы или ползающие вороны...

Но жила и она. Боялась многого, но больше всего ее страшило море в грозу, во время ветра, беспокойное море. Впадая в состояние панического страха всякий раз, когда видела Его, ворона прижимала крылья ближе к телу, закрывала глаза и уползала далеко, чтобы не чувствовать его силу. И еще долго после этого слышала удары у себя в груди, того, чье название предпочла бы забыть.

— Тук... Тук... Тук... Ведь когда-нибудь тебе нужно будет открыть глаза... Тук... Тук... Тук... распахни их и встреться со страхом... Тук... Тук... Тук. Ну же, не трусь...

И тут ворона, прислушиваясь к голосу своего сердца, начала медленно приподнимать веки и, чем шире их открывала, тем больше тонула, пока не пошла на дно этих глаз. И море успокоилось. Заяц приободрился, расправил крылья, и они полетели вместе, рядом, лапа к крылу, крыло к лапе.

И вышло солнце, и улыбнулись облака от этого безумного зрелища — полета зайца и вороны!

Мы сольемся в одну чашу, Бог будет перемешивать нас большой ложкой, пробовать на вкус, морщиться и усмехаться над этой смесью сладкого и горького. А потом скажет: «Ах, как хорошо получилось! Кто бы мог подумать, а с виду такие разные!»

— Я всегда знала, что женюсь на тебе! Верить, всегда!

— Дурочка моя, ты замуж выйдешь, это я женюсь... на тебе!

— Ну ты, женишься! На мне! Слушай дальше, я знаю его, мы друзья. Бог сначала не верил, что я выдержу, но все сбылось! Он смешивает и пробует. Это он мне сказал, что нет ничего вкуснее любви!

Они поцеловались и начали медленно растворяться друг в друге.

Уже позже, шепотом:

— Надо же, не соврала.

— Я не обманываю никогда. Смотри, сейчас ко рту поднесет.

— Только бы не плюнул!

— Да ты что!!! Он же Бог! Бог... Спасибо!

ВЕСНА

Жара. Двое пьяных менялись майками на покосившейся скамейке. Продавщица в ларьке с мороженым чувствовала себя царицей Савской и с вальяжным видом снисходила до покупателей. Рубашки липли к спине, воротнички к шее.

Яшка смотрел на секундную стрелку и ждал, когда иссякнет его терпение. Он отследил уже двадцать пять кругов и теперь будущее его пугало — еще 25 он явно не выдержит, уйдет (если, конечно, хватит сил).

Ну и дурак же я. Свидание не в парке, а у входа.

Боязнь разминуться с Зойкой не позволяла ему углубиться в тенистые аллеи (ой ли? Такие уж и тенистые?).

Ну где же она? Быстрее, давай, приходи.

Яшка достал коробок. Ковырнул в зубах разок-другой, пососал спичку и сплюнул.

«А может, случилось что?» — как-то устало пробубнилось в голове.

Яшка еще раз окинул взглядом горизонт, пересекавший тротуар. — Не идет, — и пошел звонить.

Пыльная будка неохотно приняла клиента в свое чрево и долго не хотела соединять, хрипела в трубку, сбивала набор частыми гудками, в общем мотала нервы, как и все вокруг.

Зойка подошла к телефону не сразу.

— Алло, — резко, словно ввинчивая шурупы, закричал Яков. — Ты чего? Где пропала-то? Жду-жду... Давай быстро!

— Яша, ты? — зачем-то переспросила Зоя.

— Я, кто ж еще? Что случилось-то?

— Яшь, понимаешь, — засуетился вдруг чуть заторможенный до того голос. — Я не могу сегодня, ты извини. Я вот тут с подружкой сейчас... мы уходим по делам. Не сердись, Яшенька, очень важно. Я тебе потом объясню.

Яков с тоской подумал о ларьке с мороженым. Вот бы его перевернуть. Может, тогда продавщица перестанет тарачить на него свои очкастые глазенки и улыбаться.

— Ну и ладно, — сказал он и бухнул трубкой. — Два эскимо, — протягивая деньги мороженщице, буркнул Яшка.

Указательный палец продавщицы медленно выцарапал из тарелки с мелочью сдачу. Так же медленно ее рука, словно преодолевая невесомость, подплыла к холодильнику и, бережно растворив его, зашуршала заиндевевшими пакетиками.

— Пожалуйста, — процедила она сквозь зубы, и в ладони Якова опустилась прессованная прохлада.

«Мымра», — подумал он и углубился в аллеи, воспетые еще Иваном Алексеевичем. И что за погода...

* * *

Назавтра, в понедельник, день весны еще более дал о себе знать тяжестью в сердце. Весна, грачи прилетели, думал Яшка, топая после работы домой вдоль бетонного забора.

Зойка не вышла на работу. Звонила, взяла отгул. Ничего себе. Я, значит, крутись-вертись как белка в колесе, а она — отгулы берет. Гуляет — не нагуляется.

Яшка так и замер. Чего это она гуляет? Что за дела у нее такие?

Брат-близнец вчерашнего телефона стремительно запустил Якова к себе в клетку из стекла и металла.

— Алло, Зоя!

Короткие гудки. Что за черт? Разъединили. Снова крутится покореженный диск. Два-пять-семь, снова два и еще две единички. Лебедь, рука, коса, снова лебедь и барабанные палочки.

— Алло, Зоя!

— А, это ты, Яша (все ж таки ответила), как дела?

— Ничего идут дела, голова еще цела. Ты-то как? Чего это на работу не ходишь?

— Уже доложили?

— Ха, да я ж в вашем цехе эту неделю на обслуге. В мойке сальники сменил, теперь не бежит. А в 9-м так и...

Яшка чуть не поперхнулся. О чем это он? Не то говорит. Но Зойка уже перебила:

— Работающий ты, Яшенька, это хорошо.

— А ты чего трубки бросаешь? — возмутился он.

— Я? Когда?..

— Зоя, ты чего затеяла? Чего там у тебя за дело?

Тишина. Лишь легкое дыхание, заглушаемое шуршанием на линии.

— Зоя, — позвал Яков. — Чего молчишь?

Тишина.

Яшка заволновался.

— Случилось что?

— Ничего не случилось.

— Тогда чего ты так?

— Как?

— Ну, не появляешься?

Тишина. «Думает, — решил Яшка, — ну думай, думай, подождем».

— Чего молчишь-то? — переспросил он.

— Не знаю, что сказать. Правильно, чего болтать зря.

— Зоя, я сейчас к тебе приду.

— Не надо, Яша.

— Не хочешь меня видеть?

Молчит.

— Не хочешь, так и скажи, я настаивать не буду.

Молчит.

— Разлюбила, что ли? — ляпнул вдруг Яков. — Другого нашла?

Молчит.

— Чего молчишь-то? Ну все, я еду!

— Не надо, Яш.

* * *

Ядовито-зеленый забор тоскливо выгорал на солнце. Через калитку и дворик бабы Нюры проходить не хотелось. Яшка словно индеец перемахнул через забор. Так оно быстрее. Пробираясь меж грядок, Яков заметил, что занавески на окнах задернуты.

— Зоя! — позвал он.

Тишина.

— Зоя, это я.

Дом набрал в рот воды и тихо прел на солнцепеке.

Под окнами, словно груда тряпья, ждущая штопки, росли лопухи.

— Зоя, — забарабанил по стеклу Яков. — Это я, открой, я знаю, что ты дома.

— Яша, иди домой, — раздался голос из-за занавески.

— Зоя, открой, ты чего?

— Нет, Яша, иди домой.

— Кто там у тебя?

— Никого.

— Открой.

— Яша, я же сказала.

— Я не уйду.

Он сел на садовый шланг и закурил. Два месяца виделись каждый день и на тебе. Видеть не хочет. Яшка чуть задумался. Да НЕТУ у нее никого, решил он, если бы там мужик был, давно бы вышел.

— Зоя!

Тишина.

— Зоя, ну чего молчишь-то? Пусти, а.

— Иди домой, Яша.

А может, есть кто? Может, не хочет себя скомпрометировать? Уж больно она красивая, моя Зойка. Только глазом моргни, уведут интеллигенты столичные.

Яков затушил окурок и пошел к веранде. Аккуратно, чтобы не разбить стекло, он начал отгибать гвозди и вынимать штапик.

— Эй, ты чего там делаешь?

Такой голос кого хошь заикой сделает.

— Это я, Яков, баба Нюра, — растерянно пряча за спиной рейку, улыбался горе-взломщик.

— А чего ты там затеял?

— Это я к Зое.

— А ну вот я сейчас на тебя Дружка напущу, чтоб не лазил.

Баба Нюра свистнула, и визгливый дворянин, надрывая связки, заголосил вокруг Якова.

— Иди домой и не безобразничай.

— Баб Нюра, да мне к Зое надо.

— Нету ее, — отрезала старуха.

— Дома она.

— А я говорю, нет.

— А я говорю, дома.

Дружок перешел на хрип и вдруг впился в сапог.

— Уйди, Дружок, уйди, — завопил Яшка. — Фу! Отцепись.

— Баба Нюра, уберите собаку, — раздался голос Зои. — Я сейчас выйду.

Старуха дала еще какое-то время Дружку потерзать казенную обувь, а потом свистнула и пошла к себе.

Дверь веранды отворилась. Белое платье в синий горошек и волосы под голубенькой косынкой. Зоя была как и прежде. Но лицо ее золотилось, как осень на картине импрессиониста.

— У меня веснушки, — сказала она и расплакалась.

Яков осторожно обнял ее за плечи. Солнце обалдело слепило глаза.

— Дурочка я, — всхлипнула Зойка. — Да ведь?

Яков не возражал, он покачивался, словно танцует, и думал о том, что прилетели грачи.

ПОЧЕМУ?

Что может быть прекрасней тайги, свободы жизни, чистого воздуха и азарта погони, предвкушения кровавой награды и заслуженного пира, часовая погоня не в тягость, страх жертвы питает и лапы не знают усталости — вот счастье не для человека, но для волка.

Сильный поджарый волк-трехлетка бежал, он бежал, преследуя молодого оленя гонка смерти продолжалась уже не один час, но ни жертва, ни хищник не знали усталости.

Пространство таяло, растворяясь в туманной дымке. Он не бежал, он летел. Он думал о спасении, о быстрых ногах, скоротечности жизни и простых истинах, которые открываются, когда чувствуешь необратимость смерти. Он видел свою жизнь кусками, отрывками она пролетала у него перед глазами. Лишь один взгляд назад, и страх сковывает разум. Он знал, что он обречен, и эта мысль заставляла его бороться, а вдруг он уйдет, а что если волк даст слабину, отступит, устанет, не догонит, а что если... Но метр за метром держать дистанцию все труднее, и другая мысль занимает голову: лишь бы не упасть, как бы не споткнуться и еще одна шальная — почему я, я, а не другой, ведь я молод, я хочу жить, хочу... Земля, комки грязи, бесконечно сменяющаяся череда деревьев, больно хлещущие по груди и голове ветки, да какая разница, если ставка — жизнь. Постепенно разочарование и шальная идея: а что если остановиться, отдать себя на растерзание, остановиться и смиренно ждать, когда острые клыки сомкнутся на твоей шее, отдаться воле победителя и избрать быструю смерть безрассудной борьбе. Он понимал, что он жертва в этой извечной битве за выживание. Но, вспомнив о том прекрасном, что было за его короткую оленью жизнь, он продолжал бороться, страх уже не занимал его сердце, на смену ему пришла холодная решимость: а что, если спросить почему?

Волк наслаждался, уже давно не знал такого упорства, его удивляла эта воля к жизни. Ему надоела обыденная бойня, в которую превращались повседневные охоты, он был азартен, он был игроком, и жертва подарила ему ощущение игры. Олень юлил, петлял, волк необратимо шел по следу. Но вот волк понял: что-то изменилось. Преодолев очередную сопку, волк выбежал на просторную поляну, посреди которой гордо стоял олень. Волк хотел сходу наброситься, но вопреки негласному волчьему правилу он посмотрел своей жертве в глаза и замер на мгновение, два взгляда встретились. Холодные беспощадные глаза хищника и трогательный немигающий взгляд жертвы. Смотря друг на друга, они как бы разговаривали без слов, им не нужны были слова. Минута, две, три, все пронзающая тишина, и один бросок, секундный полет, и клыки находят пульсирующую артерию на шее, медленно угасающий, но по-прежнему светлый взгляд победителя. Он посмел бросить вызов чудовищу, посмел, хоть и не в силах был справиться. Погружая клыки в плоть, в голове у волка на смену инстинктам приходило понимание и оставался один простой и в тоже время сложный вопрос, ответить на который сможет не каждый. Почему?..

Ирина Дудик
г. Иркутск, ИГЛУ

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

Весеннее утро! Что может быть чудесней?! Все какое-то необычное, непривычное даже. Бывало, проснешься, посмотришь в окно, а там белым-бело... и тишина, ни шороха, ни звука. А теперь, ну что за прелесть! Смотрю на серую улицу, а на душе от тусклых красок почему-то легко и радостно. Может быть, потому что небо стало голубее или потому что птицы, только что прилетевшие из теплых стран обратно домой, заливаются весенними трелями, пытаются перекричать друг друга. А может быть, дело в том, что в душе моей заиграла музыка. Она появилась внезапно, этим обычным утром. Как будто наконец-то растаял внутри меня снежный сугроб, и какие-то волшебные струны освободились, встрепенулись и запели.

А впрочем, какая, к черту, разница!!! Ведь ты никогда этого не почувствуешь! Не заметишь уже ни этой чудесной природы, ни этого сказочного неба, и музыки никогда не услышишь. Проснувшись утром, ты думаешь лишь об одном: где взять дозу. И тебе все равно, почему кричит отец, хватаясь за сердце, почему тебя уже не зовут завтракать, как было в детстве. Да, твое детство прошло! И ты забыл его! Забыл голубоглазую Таньку, которая никак не хотела понять, что нравится тебе, когда ты дергал ее за косички. Забыл свою первую учительницу, которая, несмотря на проказы, ставила хорошие отметки, потому что верила в тебя. Забыл также, что хотел когда-то стать знаменитым летчиком и облететь весь мир. Теперь ничего этого не существует. Есть только твои сегодняшние друзья-наркоманы. Да и друзьями-то их не назовешь: они могут предать в любую минуту. Есть еще постоянное желание получить дозу, которой, конечно же, будет опять мало. Куда-то подевались мамины золотые сережки и кольцо, да и твой плеер больше не радуется любимой музыкой. Раньше ты мечтал о будущем, думал о смысле жизни, волновался за близких. А теперь нет! Теперь все это не важно...

А на улице весна! С каждым вдохом в меня как будто попадают частички радости, которые миллионами витают над головами суетящихся людей. Каждая капелька, соскользнувшая с крыши, как бы прощается с уходящей зимой, с ее стужей и грустью. И вот уже музыка в моей душе играет так громко, что кажется, будто ее уже слышат прохожие... Как здорово жить!

Татьяна Булгакова
г. Иркутск, ИГЛУ

ДЕТСТВО

Вот и ты ушло из моей жизни вместе с разноцветными сандалиями 32 размера и воздушным ярко-зеленым змеем.

А помнишь, мы вместе качались на качелях во дворе с утра и до позднего вечера, казалось, взлетая выше серых угрюмых пятиэтажек с прошлогодней травой на козырьках подъездов и рогатыми антеннами на крышах. А потом мы наперегонки бежали домой по темным, мокрым лужам с отражающимися в них фонарями. Как ни странно, тебе всегда удавалось прибегать первым.

Вот мы и добегались — теперь мне тебя не догнать.

Почему ты так быстро исчезло, оставив меня на чердаке дома, когда мы вместе ловили белых голубей, чтобы хоть одного поймать и подарить маме на день рождения. А может, ты на меня обиделось из-за того, что я пригласил в кино Наташку из соседнего двора, а не тебя. Я нередко вспоминаю о тебе. Наверное, тебе стало скучно со мной?.. Разве ты не хочешь снова вернуться в наш дом, в мою жизнь?

А хочешь, я достану наш паровозик без передних колес, который подарила бабушка на первый наш юбилей? Да, по тебе и кот Барсик соскучился, ведь он уже старей, а поиграть не с кем.

Знаешь, в тот момент, когда ты ушло, мне показалось, что я повзрослел, но я по-прежнему нуждаюсь в тебе, точнее сказать, уже не я, а Костя и Машка.

Олег Паженцев

г. Иркутск, ИГЛУ

РАЗГОВОР

Мы уже долго молча смотрели друг на друга. Разговор никак не клеился.

— Мы вечны. Известная истина. Если рассматривать наши труды, по которым нас в будущем будут вспоминать потомки. Но добрым ли словом? Найдутся ли силы уже сейчас признать, что ничего значительного в жизни не сделал? Что был горд больше, чем надо? Что был слабее, чем обстоятельства? Был...

Считать, что духовная наша часть вечна — слишком спорно. Что вечность наша заключается в раю — неубедительно для самого себя. Но где же начинается наша ЛИЧНАЯ вечность?

Отвечаю: «В наших поступках». Никакой реакции на мои слова. И сразу приходит понимание: «Ответ слишком прост, чтобы быть правдой».

— Мы сами вручаем себе эти награды. Думаем, что совершаем подвиги, абсолютно не задумываясь о людях, которых втоптали в грязь минуту назад. Ты идёшь дальше, но перешагиваешь не через них — через себя. Каждый твой день — война с самим собой, которая не оставляет ничего, кроме ссадин в душе. Ты убиваешь в себе всё самое лучшее, всё то, что мог бы отдать другим.

Я молча курил, боясь прервать этот размеренный тихий голос. Мне казалось, он разливался повсюду, звонким эхом, постукивая в висках.

— Я больше не могу нести ложь. Наверное, именно поэтому все они вытирают тебя. И страха принести себя в жертву уже давно нет. Потому что все давно знают, что только ЧЕЛОВЕКУ дано счастье вечной жизни.

В его чистых глазах промелькнула усмешка:

— Счастье наслаждаться ею, не прерывая это наслаждение. И ничто не способно омрачить наше существование. Ничто... ведь мы вечны. Ну, что ты молчишь?

Я засмеялся:

— Ты прав, вечны. Мы ОБА вечны... Спасибо за беседу. Всегда приятно поговорить с умным человеком.

Затушив в раковине окуроч, я вновь взглянул в зеркало:

— Счастливо оставаться. А я уже на учёбу опаздываю.

Мир прогов

Дмитрий Тимошкин. «Город утром»

ПОТЕРЯННЫЕ КНИГИ

Кстати про Хэмингуэя. Читал я его книгу «Зеленые холмы Африки». О поездке в саванну, охоту на буйволов и львов, про быт африканских племен... До сих пор помню, что у масаев * (племена такие: охотников и скотоводов) считается «круто» во время «разборки» со львами схватить льва за хвост. Хорошая книга.

А попала она ко мне вот как. У нас в доме жила женщина. Преподавала в университете. Настоящая интеллигентная женщина, как из каких-нибудь рассказов Тургенева или Чехова. Кто там из них про интеллигентов-то писал? Ну, не в этом суть. Одинокая, как обычно в таких случаях... Умерла от рака. Никого у нее не было из родственников, естественно. Полное одиночество. И вот после ее смерти новые жильцы вынесли во двор все ее книги. Даром. Забирайте, люди. Я никогда не видел столько книг! Стопки, пачки. Казалось, там можно найти все, что хочешь.

Нас, шпану и голодранцев, тоже пустили порыться в развалах. И я выбрал эту книгу. Тоненькая такая, но добротная, по-советски изданная. Остальные книги потом то ли разобрали, то ли унесли на помойку, то ли еще что...

Мог бы, забрал бы их все.

РАССВЕТ

Мир только просыпается. Дневная суматоха еще не вправе завладеть мной. Есть время подумать. О солнце и звездах. О людях и чистом, синем небе. О лете и предрассветных сумерках. О закате, когда огромное, багровое солнце тонет в океане колышущейся травы. О бескрайней степи и чистой ключевой воде. О времени и жизни. О том, как ветер срывает старую жесь с проржавевших крыш. О тех местах, где хотел побывать. Так много нужно сказать, но так мало слов. Как выразить чувство, эмоцию, не мысль, но всего лишь ее хрупкую тень? Еще есть время поругать себя за то, что сделано так мало, и порадоваться, что еще не поздно все исправить. Часы тикают. Возможно ли, что я все еще люблю ее? Глупости. Какой же это адский труд — быть искренним перед самим собой.

ПРОГУЛКА

Ты просто выйди на набережную. И тебя излечит жаркое солнце. И чистый теплый ветер. И прозрачная вода. И тени мучительных мрачных воспоминаний и страстей станут смешными и ненужными и навсегда покинут тебя. И ты удивишься простоте жизни и ее многообразию.

Сегодня гулял. Итог: две выпитых кружки кваса и обгоревший нос. А еще купил семечек и, сев на лавку в тени деревьев, кормил воробьев. Тишина и

* Масаи — народность в Кении и Танзании.

покой. Только сухое шуршание травы и маленьких птичьих клювов. Солнце пробивается сквозь листву и люди где-то далеко... Сейчас я встану и пойду домой...

НЕНАПИСАННЫЙ РАССКАЗ

О чем он мог бы быть? Если бы я, наконец, выбрал несколько свободных от Интернета минуток и решил вспомнить, что когда-то я умел писать рассказы. Некоторым они даже нравились. Я старался писать о людях, их судьбах, заставить своих героев ожить и самостоятельно двигаться по выдуманному мной миру. Получалось ли у меня? Наверное, да. Они были строптивы и желали жить своим умом, отрекаясь от своего создателя и идя ему наперекор. Я любил их за это. Они и сейчас ждут меня где-то в пыльных закоулках разума. А может быть, на страницах журналов и газет? На форумах, в давно забытых темах? Или моя фантазия смогла даровать им их собственный мир? Я рад, если это так. А может быть я просто приоткрыл чуть-чуть завесу над уже существующим? Не могу сказать точно. Так о чем он мог бы быть, мой ненаписанный рассказ? О космосе? О бесконечности галактик, великолепии безмолвных звездных путей и крошечных человеческих существах, теряющих и обретающих себя, свою душу в сердце новых империй и звездолетов? О том, как прекрасны звезды и новые открытия?

Или я написал бы о мире колдовства и стали? Как огромные армии, ведомые великими воинами и магами, сшибаются в неумолимых битвах за кроважидных богов таинственного мира. Смог бы я написать о ненависти или любви? Или, может быть, я написал бы о самом обычном человеке вроде меня и самом обычном мире? Или мой рассказ стал бы ареной для психологических схваток? Магия против техники, разум против разума. Ненависть против ненависти... Был бы он хорош, этот мой рассказ, или пополнил бы необъемную стопку графоманских потуг? Я никогда не узнаю этого. Потому что он так навсегда и останется всего лишь ненаписанным рассказом.

Константин Корнеев

Родился в г. Иркутске в 1984 г. По окончании средней школы № 19 поступил в ИГУ на исторический факультет. Стихи пишет с 13 лет. С 2004 г. посещает литературную студию «ЛИСТ» под руководством Татьяны Суровцевой. В свободное от учебы время поет в ходе Иркутского государственного университета. Увлекается чтением русской классики, исторических романов, а также музыкой и политикой. Живет в Иркутске.

БЛОКАДНОМУ ЛЕНИНГРАДУ

За околицей вьюга беснуется,
Бьётся оземь разбойничьим посвистом,
Зимним вечером звёзды рисуются
На холодном стекле кистью звонкою,
На замёрзшем окне кистью тонкою.

Паутиной плетётся сказание
О потерянном городе Китеже,
Детвора, затаивши дыхание,
Слову внимлет, за слово цепляется,
Детвора словом этим питается.

За околицей хваткою мёртвою
В небо впились, как стрелы, прожекторы,
И блокадного воздуха спёртого
Не хватает на всех, как еды,
В этом царстве народной беды.

Ленинградское имя, ты выжжено
Раскалённым огнём миллионов,
В смертоносной войне люди выжили,
Подвиг свой прославляя в веках,
Подвиг свой прославляя в стихах.

И струится всё дальше сказание
О затерянном городе Китеже,
Во главе безудержного пламени,
Что живёт негасимым сиянием
В каждом доме огромной России.

НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

На дорогах войны застывает эпоха,
 Тишиной низвергаясь в горящую пыль,
 И на жгучих побегах дорожного моха
 Навсегда замирает военная быль.

У разбитых домов, разворованных смертью,
 У прожжённых воронками мирных полей,
 Души павших героев несломленной твердью
 Ниспадают в огонь одиноких степей.

Этим душам — пылать, не забвением, но славой,
 Гордым именем стать, гордым именем быть!
 Этим душам — воскреснуть звездой величайшей,
 Пятигранной звездой над страну парить.

На дорогах войны — бесконечное горе,
 И у братских могил — скорбный плач матерей,
 Сколько слёз приняла мать сыра земля. Вскоре
 Бой забудется, стихнет, но боль — всё сильней.

Не смогли сталь и кнут бессердечною силой
 На колени поставить советский народ,
 И пощадить себе никогда не просила
 Наша Родина. «Вместе, к Берлину, вперёд!» —

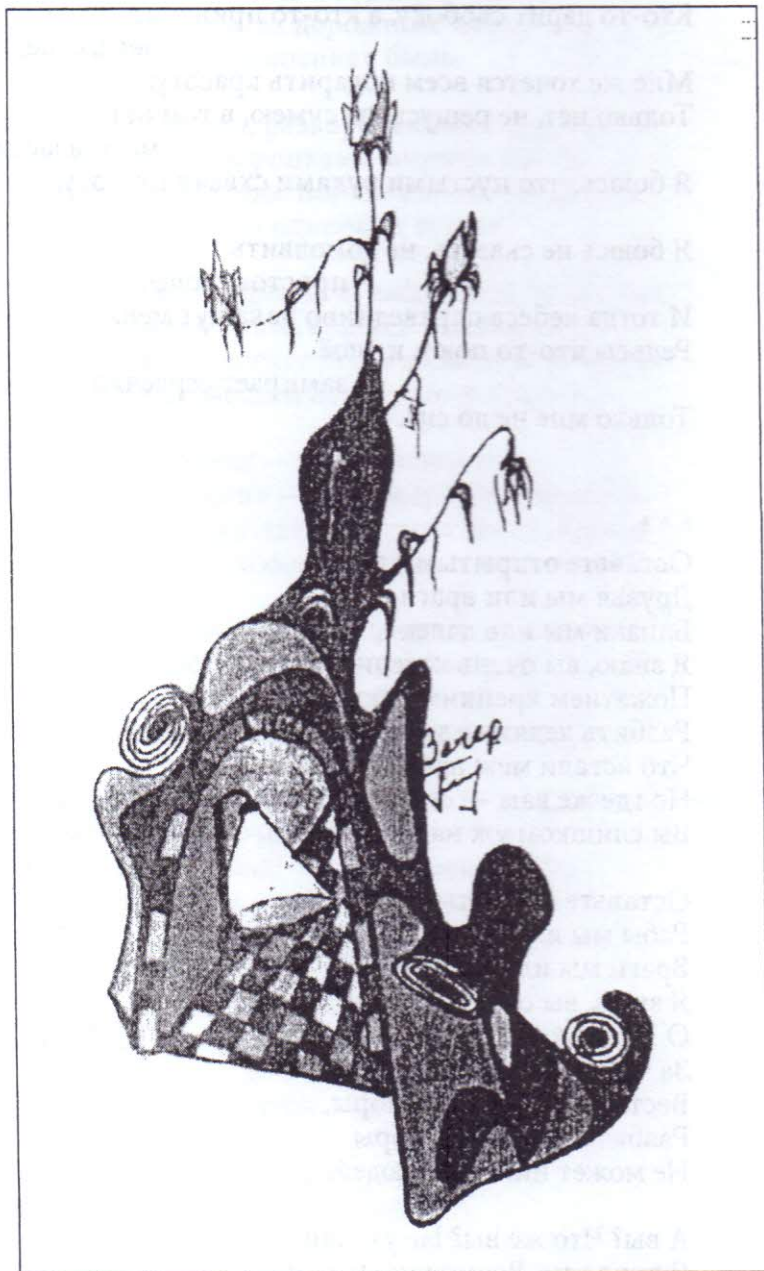
Грозный клич закипел, вспыхнул праведным гневом,
 И понёсся, броню на куски разрывая,
 Кремль возликовал! Только плакало небо,
 На груди у бойца, что лежал, умирая...

В ДОРОГЕ

Вьются рельсы — ужи, в серебристом
 закате теряясь,
 Две родные сестры, два начала основ;
 Так торжественно — тихо гудят,
 каждый раз прогибаясь
 Под напором бездомных ночных поездов.

Предначертана им от рождения
 тяжкая доля,
 Неизменен рисунок судьбы, неизменна и суть...
 Поощадите их, люди, отдайте,
 верните им волю,
 Пусть бегут, пусть отыщут свой собственный путь.

Я хочу устремиться скорей, побежать
 вслед за ними,
 Окунуться в прохладную зелень лесов.

Дмитрий Тимошкин. «Вечер»

* * *

По говору смелых приморских ветров
Ты будешь скучать, окружённая сушей,
По плавному бегу крутых берегов...
Забудь обо всём, — скажешь мне, — и послушай,

Как сагу старинную шепчет прибой
О всех кораблях, не вернувшихся в гавань,
Как тает волна, уходя на покой,
И хлопает гулко единственный ставень

Таверны пустой. Отслужила свой век,
Иссякло вино, оборвались все песни
На половине куплета — лишь снег
Кружит одиноко в тиши поднебесья.

И что я отвечу? Не знающий моря,
Не в силах почувствовать крик его струн,
Я вырос вдали от него. Голос поля
И лошадей быстроногих табун

Роднее мне, ближе приморских ветров...
Но ты повторяешь: «Послушай, послушай!»
По плавному бегу крутых берегов
Ты будешь скучать, окружённая сушей.

БЕДНЫЙ ПАВЕЛ

Беги же, беги в лабиринт коридоров,
Это единственный шанс спастись,
Лишь призрачный шанс... Но без споров, без споров,
Держись за него, держись!

Скачи без оглядки по жилам столицы,
Забудь о просторных покоях своих,
Там ждёт тебя смерть — на рассвете умыться
Агонией криков твоих.

Но ты недвижим. Крепкой хваткой Морфея
Пленён до утра, до вторых петухов,
Вставай же, вставай, просыпайся скорее,
На лестнице — грохот шагов!

«Измена, измена!» — но крик твой задушен
Пронзительным блеском стальной тишины,
О Боже мой, Боже... Им, видно, не нужен
Монарх, не любивший войны.

Умис

Опущены плечи скорбящего сына,
Над гробом отца он запомнит свой грех;
Чтоб править страной, мало выстрела в спину,
Разящего тупо, наспех.

Прости, Бедный Павел, кого же не сможешь
Простить — так стряхни, будто пыль с сапогов
Тебе — и державу, и скипетр. Ложе
Из сотен венков.

* * *

Окружённые берегом, скалы
Дышат ветром, скрывая свой лик,
Я по волнам пророка — Байкала
Пробираюсь к рассвету. Мой стих

Криком чайки несётся, стучится
В цепи грозных, задумчивых гор;
Я — поэт! Моё время — влюбиться
В бесконечный байкальский простор.

Конкурс

В мае этого года наша страна отметила великий праздник — 60-летие Победы в Великой Отечественной войне. В преддверии этой даты редакцией «Первоцвета» был объявлен конкурс творческих работ молодых авторов, посвященный этому знаменательному событию.

К нам пришло множество писем с рассказами, школьными сочинениями, размышлениями о минувшей войне, о том, какой след она оставила в судьбах людей, как повлияла на жизнь каждой российской семьи.

Внимательно рассмотрев все работы, редколлегия подвела итоги. Лучшие произведения-победители мы публикуем в этом номере альманаха.

Владимир Корнилов

член Союза писателей России

* * *

Посвящаю участникам и ветеранам
Великой Отечественной войны

Шестьдесят — разве малая веха
Вас роднит с этой датой святой?!
Счет годам у безумного века
Остается за горькой чертой.

...Позади грозная эпоха —
Сколько жизней взяла на погост?!
Но никто до последнего вздоха
Не свернул с этих огненных вёрст.

...А живые, кто хмеля отведал
Из кровавого чана войны, —
Вы огромной ценой за Победу
Заплатили для нашей страны...

Вас сегодня осталось немного —
С каждым годом редет в строю...
Но по воле провидца и Бога
Я о вас, о героях, пою...

Пели вам и Бернес, и Вуятич
Про летящих с войны журавлей...
Сколько дней и ночей тех горячих
Вам напомнил сейчас юбилей?!

...Мы желаем вам мирного счастья,
Долгих, светлых и радостных лет,
Чтоб великое ваше участие
Русь хранило от будущих бед!

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ДОНСКОГО КАЗАКА, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ

Мой прадед родился в 1893 году в обычном казачьем хуторе, скромно пристроившемся на берегу величавого Дона. Жизнь его сложилась так, что он побывал в пекле Гражданской войны, сыграл важную роль на фронтах Великой Отечественной; поработав на победу и в тылу, и на передовой, под Сталинградом. Много пережил этот худощавый человек, уравновешенный и неунывающий, с роскошными казацкими усами, густой волнистой шевелюрой.

Даже в глубокой старости он оставался таким же. Привычка носить лихие усы закрепилась на всю жизнь. Таким он и остался на фотографиях.

А так как он немного владел грамотой, то решил написать о прожитой жизни, сообщая малоизвестные подробности российской истории.

Его мемуары были переданы мне, его правнуку, а я хочу, чтобы о них узнали и вы.

Правнук Максим Живетьев

Когда я родился, меня нарекли Маркелом, и весь хутор с казацким размахом отмечал мое появление на свет.

Сразу же по старинному обычаю отец попросил кузнеца выковать для меня шашку по-черновому, то есть заготовку, которую закопали в старый навоз до моего шестнадцатилетия.

За это время сталь становилась гибкой и прочной, намного улучшив свои качества. Тогда шашку отрыли и доковали так, чтобы она подходила мне по руке, по росту и по весу.

Это была моя личная шашка. Всю жизнь она должна была находиться у меня. Ведь самое страшное для казака — остаться без шашки. Без неё — равно как без чести.

И когда мне вручили шашку, купили коня и всю причитающуюся амуницию, я стал тренироваться. И в восемнадцать лет — как это обычно случалось — я был посвящен в казаки.

И тут я должен упомянуть ещё об одном обычае.

Если рождался сын, то ждали ближайшего сбора урожая винограда и сразу закатывали две абсолютно новых дубовых бочки вина.

Их ставили в самый дальний угол погреба, чтобы открыть только по определенному поводу. Одна бочка предназначалась исключительно для празднования посвящения сына в казаки, а другая хранилась до его свадьбы и могла быть извлечена на свет не по случаю только при преждевременной гибели того, кому предназначалась.

За долгий срок нахождения в дубовой бочке напиток так набирал силу, что пенился, как шампанское, и сшибал с ног уже от первого ковша.

Чего скрывать, казаки любили выпить. Поэтому, чтобы заветные бочки не были в ходе какой-нибудь попойки заранее опорожнены — а бывали на хуторе и такие случаи, — отец обмазал их глиной и закопал на своем участке, чтобы уже не беспокоиться об их сохранности.

В 1911 году меня посвятили в казаки.

А земля, на которой жил донской народ, хоть и была государственная, но она предоставлялась бесплатно. Пожалуйста — пользуйтесь, живите на ней, но только служите царю-батюшке верой и правдой. А в российской армии в те времена казаков служило много.

Мне же первый раз серьезно воевать пришлось только в конце семнадцатого года, да еще как воевать. Но начну по порядку.

На тот момент я, как получивший четыре класса образования, занимал должность десятника, то есть мог вести в бой десяток кавалеристов.

У казаков же как было? Если ты хоть чуть-чуть читать и писать умеешь, то ты уже десятник. А если еще пообразованнее — то сотник. А сотник уже вел в бой сотню, которая состояла из десятков. А уж если десять сотен объединяются вместе — тогда это уже целая тысяча. У нас ею командовал Буденный.

Никогда не забуду своего первого боя.

Тысяча красных казаков против тысячи белых — тоже казаков. Такой ужас представить сложно.

Впереди скакал Буденный с растрепанными усами, с шашкой наголо, готовый разрубить любого противника от головы до седла одним взмахом... Таков был он, наш атаман. Для сравнения замечу, что мой самый сокрушительный удар шашкой мог разрубить человека до середины тела.

За Буденным, чуть поодаль, мчались сотники, за ними шли ровной прерывистой линией десятники, среди которых — я. За нами, почти не отставая, неслась пестрой тучей несокрушимая конница рядовых казаков... Ее остановить могла только такая же лава.

А ведь еще у нас и у противника были пулеметы — страшный дефицит, но очень эффективный.

Одна тачанка — у нас, одна — у них. Исход сражения всегда зависел от того, кто первый выкатит на поле боя тяжелый лафет, запряженный тремя конями.

В тот раз Буденный, как он это обычно делал, направив лавину казаков навстречу неприятелю, свернул в сторону, предоставив уже сотникам вести тысячу в бой.

Когда показались тачанки, я с содроганием в сердце понял, что белые оказались проворнее, а их кони свежее. Они первыми остановили вороных, развернули пулемет и открыли огонь.

А очередь в основном косит тех, кто скачет впереди. С этой точки зрения сотникам и десятникам везет меньше всего.

Я это сразу понял и пригнулся к лошадиной шее, прячась за нее. Незащищенными от шальных пуль оставались только руки да ноги, а сам я был полностью прикрыт гривастой шеей и потому уверенно размахивал над головой шашкой, подзадоривая свой десяток, рвущийся в бой.

А вокруг летали пули, неся гибель тем, кого встречали на своем пути. Ухоженные кони то и дело с разбегу «ныряли» на степную землю или, подкошенные на полном скаку, совершали головокружительный кувырок на спину.

Или люди, только что полные ярости и огня, вдруг безжизненно повисали в седле с разорванным боком или простреленной головой.

Но наши уже тоже разворачивали тачанку, готовые покосить немало вражеских казаков.

Тут страшная боль пронзила мою правую руку. И едва успел я перехватить шашку, как моя лошадь была убита наповал, и я вместе с трупом кобылы упал под копыта летевшей следом конницы.

В бешеном галопе накатилось море всадников, оставляя после себя только раздавленные тела людей. Но я-то не собирался расставаться с жизнью! Пусть я и был ранен, но пока не беспомощен. Я же казак, великолепно знающий конские повадки! Еще при падении я ловко спрятался под животом кобылы, прекрасно помня, что ни одна лошадь ни за что не наступит на труп другой, а обязательно перепрыгнет. Лишь в этом крылось мое спасение.

Из-под навалившегося на меня укрытия оставалось только наблюдать,

как надо мной проносятся тяжелые тела, взрыхляющие копытами землю вокруг. Еще я видел лица людей, обуянных яростью, заглушавшей страх и инстинкт самосохранения.

А меня ждало лечение. Но стоило выздороветь — опять воевать.

И снова, прикрываясь гривастой шеей коня, мчаться в жестоком бою беспощадной войны. А потом с простреленными руками-ногами — обратно в госпиталь. Так повторялось снова и снова.

Когда я уже в десятый раз вышел из больницы, гражданская закончилась. Но я этому радовался недолго.

Похоже, сила казачества пугала Владимира Ильича Ленина — этого изверга в человеческом облике, которому понаставили по десятку памятников в каждом крупном городе.

А ведь этот самый вождь решил покончить с донским воинством. Особую милость он проявил только непосредственно к Буденному и Ворошилову. Других атаманов, а также всех сотников расстреляли. Остальных казаков Владимир Ильич отправил в ссылку, даже не посчитавшись с тем, что именно они воевали за него против когда-то родной царской власти.

По негласному приказу Ленина и Дзержинского донской народ отконвоировали на стройку нового города — Комсомольска-на-Амуре. Пешком через всю Россию до самого Дальнего Востока прошли казаки и принялись за каторжный труд без права выбора и ропота на свалившуюся участь*. Среди них был и я.

Но мое участие в строительстве очень скоро было сведено к осуществлению доставки грузов по воде к будущему красочному городу. Выросши на Дону и зная все особенности великой реки, мне не составило труда водить транспорт и по Амуру: лоцман из меня вышел отличный.

Тем временем я женился, появилась на свет дочка Дуняша.

А в тысяча девятьсот тридцатом году среди спокойных вод бухты Кривой Рог прямо на корабле у нас родился сын Вася — потрясающий ребенок. Особенно он у меня отличился в восемь лет, когда чуть не сжег дотла целый пароход. Но то уже было на реке Ангаре, и я расскажу об этом в свое время.

А пока я водил суда на Дальнем Востоке, Дуня всерьез задумалась над тем, чтобы стать врачом. Единственный во всей Сибири медицинский институт находился в городе Иркутске. И мы всей семьей перебрались в Прибайкалье, где я стал лоцманом колесного парохода — последнего на Ангаре. Ведь тогда уже на смену деревянным появились металлические корабли, а те ушли в историю мореходства. О, не забыть тех дней, когда я ходил на просмоленном колеснике по Байкалу и Ангаре! Широкие лопасти загребали прозрачную воду, и судно под шлейфом черного дыма полным ходом устремлялось вдоль обрывистых берегов.

* Пока существовал Советский Союз, прадед Маркел не мог никому рассказать об этом: ни детям, ни внукам, ведь он справедливо опасался расправы за распространение антисоциалистической информации. Ему оставалось только доверить тайну бумаге.

Впрочем, один раз он проговорился.

Тогда по телевизору шел патриотический фильм с определенными пропагандистскими идеями, и вдруг на экране показалась стройная колонна рабочих и крестьян, под красными знаменами с парадным маршем и песнями шедших строить Комсомольск-на-Амуре.

— Ой, брешут, внучек! — не выдержал Маркел, — Ой, брешут! Я же в этой колонне был!

Действительность шла в разрез с тем, как она преподносилась. Соккрытие фактов, изменения их в угоду идеологии было неоспоримо. Если соблюдать истинность, в фильме должны были показать изнуренных длительным переходом казаков, сопровождаемых вооруженными «пешками коммунистической партии» (М.А. Живетьев).

Тогда я принимал участие в разведке и строительстве одной из веток железной дороги: возил туда геологов, а потом рабочих, провизию для них, рельсы, шпалы, инструмент. Часто приходилось подниматься по порожистым речкам, лавируя среди опасных участков. Впрочем, я как лучший во всей области лоцман, был единственный, кто мог провести любое судно по сибирским горным рекам. Это знали многие. Недаром меня вызвали в Москву и за выдающуюся работу подарили карманные часы с цепочкой, на которых было выгравировано: «За исправное содействие в строительстве Кругобайкальской железной дороги, 1937 год».

Даже В.И. Андрулайтис, капитан парохода, часто хвалил меня, приговаривая, что я угадываю рельеф дна рек так же легко, как читаю плакаты. В этом деле даже он уступал мне. Но он же не был лоцманом, и особых знаний рек от него не требовали. Все же похвала в мой адрес именно от него была самой лестной, ведь Андрулайтис тогда считался лучшим капитаном Прибайкалья. Его профессионализму можно было только позавидовать. Не зря же он в молодости выучился по специальности капитана-наставника. Он гордился своей работой и даже по Иркутску всегда ходил в кителе, аккуратный и нарядный. А когда мы с ним возили по Ангаре баржи, то могли подцепить их к тяговому кораблю хоть десяток.

У других речников была проблема транспортировать даже пять барж, ведь на крутых поворотах реки вся вереница упиралась в берега. Несмотря на все старания, каждая баржа либо кормой, либо носом ударялась о глинистый обрыв, отчего страдали и они сами, и груз.

Но мы с Андрулайтисом вывели закономерность, которая позволяла преодолевать любой изгиб реки. Ведь секрет заключался даже не в скорости передвижения, а в длине тросов, соединяющих цепь барж. Вот оно как! Оказалось, что длина троса и баржи должна быть одинаковой! Проще не бывает! Баржа только соберется клюнуть носом в берег, как трос натягивается и утаскивает ее к середине реки! Но мы к этому пришли не сразу...

Славная у нас была команда! Прекрасно зная свое дело, мы работали без промаха. Лишь раз случился конфуз, да еще какой.

Дело в том, что, придя из очередного рейса в Иркутск, надо было очищать топку от сгоревшего угля и дров. Сын как раз ходил со мной в качестве юнги, и эта работа была поручена ему. Когда он выкидывал угли за борт — сколько раз так делали, и все было нормально, — воспламенилась обшивка парохода. Но судно спасли, вовремя потушив начавшийся пожар, и Андрулайтис сделал все, чтобы замаять это происшествие и избавить Васю от наказания суровой советской власти.

О, мы с капитаном были закадычными друзьями! Как часто приходил он ко мне в гости, и мы вспоминали прожитую жизнь...

Когда началась Великая Отечественная война, я и Андрулайтис принялись возить баржи с мукой, уходящей потом на фронт для солдат. Причем на муку мололи даже рыбу, ведь продуктов катастрофически не хватало. Из Байкала сетями вытаскивали все, что только можно, — вплоть до бычков и голомянки, — и на мукомольный завод. О, сколько же озеро спасло людей от голода!

Но, несмотря на все усилия, нехватка хлеба чувствовалась даже в Иркутске.

И тогда мы с Андрулайтисом приняли решение присвоить часть фронтальной муки, причем даже не для себя, а для голодающих близких. Все кули были на счету, но мы нашли способ: посадили одну из барж на мель. Прямо у Иркутска, поближе к дому.

Когда баржа на полном ходу врезалась в песчаное дно, часть мешков с мукой свалилась за борт. А ниже по течению сын Васька уже нырял в холодную воду и вытаскивал кули на берег: мука же только с наружи обмокает и

становится несъедобной, а внутри по-прежнему сухая и рассыпчатая. Вот такая хитрость!

В итоге дома все были сыты, да только меня с Андрулайтисом — за то, что не уберегли баржу, когда каждая крупица муки на счету, — посадили в тюрьму. Но не прошло и недели, как нас выпустили снова на свободу: без опытных речников в экстремальных условиях войны обойтись было нельзя.

А когда все силы страны бросили под Сталинград, Москва попросила у союзной Америки на Волгу двенадцать новейших скоростных катеров.

Когда эти глиссера класса река-море были во Владивостоке, встал вопрос о том, кто будет сопровождать их по железной дороге через всю Сибирь и спустит на Волгу, чтобы использовать в обороне Сталинграда. Для выполнения такой задачи нужен был знающий человек. Выбор пал на меня — отличного лоцмана, и, кстати, еще судового механика-самоучки.

А во Владивостоке уже набирали команду на американские глиссера. Всех лучших моряков и механиков включили в экипажи. Потом добывали специалистов и в Иркутске. Я, между прочим, тоже был в составе одного из экипажей — механиком.

Погрузив людей и катера во Владивостоке на поезд, мы поехали в Иркутск, где на Куйбышевском заводе на глиссера еще наварили стальные листы, установили башни от танков дополнительно к американским автоматам.

Вскоре эшелон с катерами вышел из Иркутска и полным ходом направился на запад по широким просторам России.

Кроме американских канонирских лодок мы еще везли на фронт танки, только что сошедшие с конвейера Куйбышевского завода. И снаряды. По пути мы разбирали запасные ветки Транссиба и тоже везли с собой.

Не доезжая десятка километров до Сталинграда, железная дорога закончилась. Танки тут же своим ходом ринулись в бой, а мы стали прокладывать рельсы к Волге, чтобы спустить катера. Ночью всем скопом строили железную дорогу, а днем уезжали подальше в тыл, чтобы фашисты не взорвали нас вместе со всеми катерами.

Но немецкие самолеты сводили на нет наши труды. Не успевали мы прокладывать пути, как те подвергались усиленной бомбардировке.

Целый месяц изо дня в день укладывали мы шпалы и устанавливали рельсы и каждый раз находили на их месте щепки и искореженный металл посреди изрытой взрывами земли.

Мы понимали, что наша работа за четыре недели даже не сдвинулась с места. Обнадеживало только то, что мы привезли с собой рельс и шпал с излишком. Иначе — нам вообще пришлось бы сидеть сложа руки.

Еще через полмесяца терпение Сталина закончилось: надо было срочно спускать катера на взбаламученные воды великой русской реки. Для этого Иосиф Виссарионович собрал под Сталинградом советские самолеты, чтобы не позволить немецким бомбардировщикам мешать спуску глиссеров.

Нашей авиации блестяще удалось удержать преимущество над силами противника в воздухе, и мы без помех быстро проложили пути до Волги.

Как только железная дорога была готова, Сталин отозвал самолеты на другие важные участки фронта. А мы должны были успеть спустить на воду катера за одну ночь, до прилета немецких бомбардировщиков.

Когда стало светать, на суше оставалось еще два глиссера, но вот уже стальной корпус плавно соскользнул в воду, в него быстро запрыгнула десантная команда, заработали двигатели, и катер понесся через Волгу в бой.

Когда последний глиссер был готов плавно скатиться в реку, на горизонте показались немецкие самолеты. Мы мигом столкнули катер, и я

уже ринулся к его бортам, чтобы завести мотор и вперед — против этих фрицев — в бой; но тут неподалеку рванула бомба.

Меня отбросило в сторону, и, теряя сознание, я видел, как последний глассер идет на врага, правда без механика.

«Но мы спустили их!» — радостно подумал я, плавно уходя в небытие. С контузией и сильными повреждениями руки оказался в полевом госпитале. Там я узнал, что на фронт меня больше не направят и дадут инвалидность. Вернуться на корабль к Андрулайтису можно было только мечтать.

Но самым страшным оказалось то, что мне грозили отнять руку, ведь она совсем не двигалась и не чувствовала прикосновений. Были повреждены нервы и одна из мышц порвана пополам. С этим смириться я так просто не мог и наотрез отказался от ампутации. «Что ж, — сказал я, — везите меня в Иркутск: там у меня дочь врачом работает. Если и она скажет, что необходимо руку отрезать, тогда ладно».

Так меня поездом отправили в Иркутск.

А Дуня меня осмотрела и решила руку спасти. Ей даже пришлось посперить с другими врачами, но не зря: нервы восстановились, рука заработала. Я даже сети ею вязал потом, а это очень тонкая работа!

И когда война закончилась, мне поручили снова привезти катера на ремонт в Иркутск, ведь нужно было снять с них листы брони, танковые башни, залатать и покрасить.

Потом я должен был вернуть глассера американским союзникам.

И когда двенадцать красавцев-катеров, блестя на солнце новой краской, мирно покачивались у причала Владивостока, уже ставшие такими родными за долгие месяцы, я узнал новое распоряжение Иосифа Сталина. Его приказ был прост: вывести глассера в нейтральные воды и затопить!!!

А катера уже стали для меня как родные дети... Да и какой моряк добровольно пустит на дно лучшие достижения кораблестроения!

Скрепя сердце я открывал кингстоны — это люки в днище корпуса — и со слезами на глазах топил один катер за другим, наблюдая, как их неторопливо заливают вода и они обреченно уходят на дно.

А рядом возвышался эсминец, на палубе которого стояли энквэдешники с автоматами и безучастно следили, чтобы я выполнил приказ вождя. Я тогда не знал, что началась холодная война...

Свою жизнь, вкратце изложенную на бумаге, я доверяю своему внуку. Мне же эти записи ни к чему. Внучок, внимательно прочти их, когда вырастешь, бережно сохрани и передай своим детям. Я не хочу, чтобы потомки забывали своих дедов, прадедов, прапрадедов.

Ведь это их история тоже. Помни об этом.

Наталья Бакиева

г. Иркутск

«ЖДЕТ НАС ЖИЗНЬ...»

Это история о дружбе, любви, которую пронесли через войну двое любящих людей — Сима и Коля Ларионовы.

Учились в школе, дружили, любили. Затем учились в горно-металлургическом институте по разведочной специальности.

Студенческие годы — это была самая счастливая пора в их жизни. Охотились, рыбачили, водили мотоцикл, занимались спортом, читали и

делились прочитанным. Они мечтали о совместной геологической работе в Уссурийской тайге, о семье и пяти ребятишках. Но война перечеркнула всех планы.

20 июня 1941 г. Николай получил диплом об окончании института, а через день началась война, и он был призван в саперное училище в г. Иркутске. В это училище было призвано тогда много горняков, которые только что окончили институт.

25 октября 1941 г. молодых горняков, уже как саперов, провожали на фронт.

С 1941 г. по 29 апреля 1944 г. Коля был все время на передовой линии фронта — строил мосты, военные сооружения, разминировал местность.

В 1942 г. окончила горный институт и Сима, стала работать на ртутном руднике. Николай писал часто. Его писем ждал весь коллектив. Они помогали в работе.

В дневнике Николая отражены ощущения одиночества, беспокойство за свое счастье, что больше не найдет Симчика, потеряет друга, любовь, женщину, любимую жену — все то, чем живет человек.

Из писем друга, любимого, мужа в мирные и военные годы:

12.07.41 г.

«Мой маленький Симчик! Пишу эти строки в последние минуты перед отъездом в армию; последние минуты сижу я в комнате, которую должен покинуть на долгое-долгое время. Я вернусь, Симчик, не беспокойся слишком обо мне. Ведь мы поедem еще с тобой в Уссури, у нас будут еще ребятишки, наши дети, пять штук. Жди меня, Симчик, будь уверена во мне и мы узнаем еще лучшие дни в нашей жизни».

05.06.42 г.

«...Наш лагерь расположен в поле. Мой дом — соломенный шалаш, стол — полевая сумка. Над нами гудят самолеты, но не обнаружить им лагерь, укрытый в ложине и расположенный в середине объекта работ. Каждый день наблюдаю очень жаркие бои истребителей. Каждую ночь на фоне непрерывного гудения самолетов бороздят небо прожекторы, вспыхивают ракеты, слышится пулеметная дробь, ухают зенитки. А утром обнаруживаем немецкие листовки, настолько дурацкие, что вызывают только смех и еще большую злобу. Работаю много — это занимает все время и заглушает тоску. Твои письма вселяют бодрость, надежду на скорую встречу...»

30.09.42 г.

«...Сегодня немцы что-то молчат. Наверное готовят что-нибудь ехидное. Вчера попал под крепкую бомбежку. Два часа дрожала земля от взрывов бомб, и в воздухе свистели осколки. Один раз, когда я перешел с одного места на другое, две бомбы упали точно на первое место моей лежанки. Ничего, не попало, и ладно! Будем надеяться, что и в следующий раз не попадут. Счастливы вы, находящиеся в тылу, хотя бы уже и тем, что не слышите вой падающей бомбы. Этот вой, да еще когда при пикировании включают сирену, крепко действует на нервы, особенно неискушенных жителей. Чтобы не слышать этот свист-вой, не испытывать адских мучений, эвакуации, вам, тыловикам, нужно жертвовать всем возможным, и даже так называемым «невозможным» для фронта. О, Симчик, ты не знаешь еще, что такое война. И счастлива будешь, если не узнаешь. Нет способа передать хотя бы один из дней боев. Музыка не воспроизведет адского грохота, художник не покажет чудовищный пожар города, литература не опишет всю полноту нечеловеческих мучений человека.

Даже если бы художник стал рисовать пожар, музыкант — изображать грохот, литератор — описывать мучения человека, их работа была бы жалкой попыткой...»

Как видно из этого монолога, там, где находится Николай, действительно творится что-то не человеческое.

05.10.42 г.

«...Несколько раз на дню попадал под дьявольский минометный огонь. Запомнил вчерашний случай. Заканчивал приемку готовых оборонительных сооружений, когда наши артиллеристы и немецкие минометчики начали «дуэль». Решил быстро преодолеть обстреливаемый участок. Мины рвались в стороне метрах в 150-200. Слышу, мина летит по направлению на меня, лег. Разорвалась метрах в 50, просвистели осколки. Встал и быстро пошел дальше. Следующая мина попала в то место, где я лежал первый раз. Мины сопровождали меня целых полкилометра, разрываясь в 20-30 метрах то впереди, то позади, то сбоку. Радостно стало, когда взрывы остались позади. Значит, пока жив и невредим. Мины взрывались на прежнем месте моего пребывания. Симчик, видимо, я у тебя счастливчик, щадят пока меня мины. При обстреле с самолета мне поцарапало руку, сейчас она зажила...»

11.04.43 г.

«Мой маленький, хороший Симчик! Читаю твои письма и думаю: когда я вернусь с войны, пройдет время — год, два, пять, и я буду таким, чтобы ты говорила: «Я любила и люблю моего Николу, он заслуживает мою любовь».

Твои письма пронизаны любовью, верой в предстоящую жизнь. Они так необходимы нам, минерам, ведь мы больше, чем кто-либо, работаем в самых опасных условиях. Минируем перед передним краем нашей обороны и уже тут, если не немцы тебя сшибут, так сам можешь подорваться на минах.

У командира роты, да еще инженерно-минной, столько дел и забот, что спать ему не положено...»

02.05.43 г.

«...О, как люблю я своего маленького геолога! Да, я горжусь своею любовью, я не стесняюсь ее, а готов каждому сказать: «До глупости люблю мою Симчик», где другую такую найдешь? Да, Симчик, вернусь, и мы проведем с тобой вечера, сидя в кино, с книгами. Будем рыбачить и охотиться в Частых, осуществим мечту об Уссури. Скалы Сихотэ-Алиня испытают еще на себе удары наших геологических молотков. Будут еще у нас 5. Жди! Верь!»

16.04.44 г.

«...Многое пришлось пережить за эти годы и хорошего, и плохого, а больше всего плохого. Прошел 15 областей, видел людей и их взаимоотношения, их характеры, чистоту и прямолинейность их чувств. Нет, Симчик, что бы мне ни говорили, всегда скажу, не переубедить: сибиряки — самый лучший, самый чистый и крепкий в дружбе народ...»

21.06.44 г.

«Уважаемая тов. Ларионова! Я получил Ваше письмо от 5 мая 1944 г., в котором Вы спрашиваете о судьбе Вашего мужа — капитана Ларионова Николая Александровича. Очевидно, Вы уже получили извещение и письмо о его смерти. К глубокому прискорбию, я должен подтвердить это печальное известие. Подробности гибели Вашего мужа следующие:

В ночь на 29.04.44 г. после выполнения дневного боевого задания во

Копируе

фронтальной полосе капитан Ларионов вместе с двумя офицерами его роты отдыхал на квартире в селе Кырпиций (Румыния), за рекой Прут.

Ночью, как обычно, летали одиночные ночные бомбардировщики противника. Один из них бросил бомбу, упавшую в 50 метрах от дома. Офицеры хотели выйти из дома в щель, но упала вторая бомба, в 7 метрах от дома. Капитан Ларионов, лейтенант Мухтаров и один боец были убиты на месте.

Похоронен был капитан Ларионов в местечке Скуляны, на реке Прут, в сквере, 29.04 44 г. Телу его были отданы должные воинские почести.

Примите мое глубокое сочувствие Вашей тяжелой утрате.

Командир в/части 19799 майор Александр Крюков».

В письмах Коля писал: «Если даже получишь извещение о моей смерти, не верь». И написал стихотворение:

Вернусь, непременно вернусь!
Только жди терпеливо,
С надеждою, зная,
Что за долгой разлукой
Ждет нас счастливая жизнь, родная!

Поэтому когда Сима получила извещение, ей не верилось, и она написала письмо командиру части. Ответ она получила.

К 40-летию Победы в ВОВ в политехническом институте в г. Иркутске установлен памятник. На нем выгравированы фамилии выпускников, ушедших на фронт и погибших в боях за Родину. На нем есть и фамилия Ларионова Николая Александровича. Теперь Сима могла поклониться и помянуть своего любимого и всех, кого знала и помнила.

* * *

И вновь не окончил: «посыльный»
Прервал начинанья мои:
В планшет положил стих не цельный,
Где письма хранятся твои.
Часы ночные коротая,
На дежурстве у села
Вынул стих, теперь уж зная:
Доберусь я до конца.
А кончать скорее нужно,
Слишком памятна черта,
Зачеркнувшая, как шутку,
Жизнь друга, рифм стиха.
Дни и месяцы, в годы слагаясь
Отмеряют разлуку с тобой,
Но как будто вчера расставаясь,
Я сказал тебе: «Буду лишь твой».
Сквозь бои, сквозь труды и невзгоды
По разбитым селеньям страны
Чистотою в сознании гордый
Проносу свое знамя любви.
«Канонады и грезы, огонь и цветы»,
Про меня эти сказаны строки:
Канонады, огонь и средь них всюду ты,
Неразлучный мой спутник в дороге.

И вернусь непременно, вернусь, только жди.
Терпеливо, с надеждою, зная,
Что за долгой разлукой ждет счастье любви,
Ждет нас жизнь с тобою, родная.

Валерия Евграфова

г. Железногорск-Илимский,
школа № 5, 10 класс

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ, НЕ ЗНАЯ!

Вы, побеждая, думали о нас.
А мы ещё должны были родиться,
Чтобы всю жизнь и каждый час
Бессмертным вашим подвигом гордиться!

Когда была война, меня не было ещё на свете, зато моя бабушка знает о ней не понаслышке. Тихий летний вечер. В печке потрескивают дрова. Я с бабушкой сижу на старом диване. Эти летние вечера для меня были и остаются самыми дорогими.

Бабуля откладывает в сторону вязание, бережно достаёт старый альбом, прижимает его к груди, гладит рукой, как бы стирая с него незаметную пыль.

Раскрывает и начинает рассказывать, держа в руках уже пожелтевшую фотографию. Ей 16 лет.

Красивая, улыбающаяся, с выразительными карими глазами, вьющимися русыми волосами. Вот такой её и застало известие о войне.

Ушли на фронт отец и брат. Добровольцем в 1943 году уходит защищать Родину и она. Плакала мама, не пускала на фронт, но Паша была решительна. В комнатных тапочках, с домашними харчами добралась до Краснограда, служила в зенитной части, подъем в 6 часов, умываться бегали к Волге. Вспоминает первый бой и страх, овладевший ею. Когда самолеты шли низко и стрелять по ним нужно было прямой наводкой, девушки, стремглав бросались за снарядами и подносили их к орудиям. А снаряд весил 16 килограммов!

И вдруг... небо сомкнулось с землей, горизонт утонул в черно-багровой завесе дыма. Солнце могло не взойти, потому что его блеск, его тепло способна уничтожить бомбежка. Зеленая трава становилась фиолетовой, потом черной и закручивалась спиралью, вяла от взрыва снарядов. Над головой трещала пулеметная очередь. Было очень стыдно за свой страх, ругала себя и уговаривала: «Ты же можешь, ты же сильная, ты на войне». Страх отошел. Паша хватала по два снаряда, лишь бы он попал во врага».

Дальше боевая биография продолжалась в Харькове, в Кременчуге, на украинской земле. Разволновавшись, бабушка перешла на украинский язык: «Частину планували переминути до Німеччини. Але гармани були настільки важкими, що зав'язли в болоті, і тому тому. Перемогу зустріли на українській землі».

Эта девушка видела воочию страшное лицо войны, заставляла себя подняться из окопа, чтобы помочь товарищам.

Контур

Глаза у бабушки заблестели от нахлынувших слез. Разве можно все рассказать о войне?! Сколько было страданий, сколько пришлось пережить!.. Голод, холод, смерть родных, сожженные села и города. Этого никогда не забыть...

Чуть успокоившись, баба Паша продолжает свой рассказ. Женщина и на войне остается женщиной. В редкие минуты отдыха вспоминали они с особым чувством свои прежние мирные занятия и увлечения. Кто читал, кто вышивал, кто прихорашивался. Вспоминали вечерки, песни, мечтали о бане и чистой постели. На войне в каждом человеке уживаются два противоречивых чувства: любовь и ненависть. Любовь к жизни, к своим родным и близким. Ненависть к врагу. И чем больше чувство ненависти, тем сильнее любовь, желание выжить, победить. И Прасковья Ивановна встретила на войне свою любовь:

Сорок первый... над городом с ревом
Смерть кружила в свинцовом аду.
Я не знала тогда, в сорок первом,
Что любовь в сорок пятом найду.

В 1945 году в землянку к девушкам заглянул старший лейтенант. Они встретились взглядами. Ему понравились Пашин голос, улыбка. Ведь она была молодая и красивая, а война уже подходила к концу... Несколько вечеров они встречались и полюбили друг друга. Девушек демобилизовали, Паша очень хотела поехать домой, в Сибирь, в Красноярский край, где ждали ее возвращения все родные, вернувшиеся с войны отец, брат. А через некоторое время Паша поехала на встречу с любимым на Житомирщину. Все было непривычно сибирской девушке: и говор, и обстановка — но ее с радостью приняли. Свадьбу сыграли в 1946 г. Жили дружно, в любви и согласии. Повсюду следовала за своим мужем-офицером. Жили и на Чукотке, в бухте Провидения, в Белоруссии, обосновались на Украине.

Прошло 2 года с того летнего вечера, когда я беседовала с бабушкой Пелагеей. Сейчас ей 80 лет. Но она еще бодрая, красивая, приятный мягкий голос, милая, добрая улыбка, умный взгляд. Годы войны и закалили ее, и подорвали ее здоровье. Но она никогда не жалуется, содержит большой дом, сад, выращивает цветы. В доме постоянно гости, дети, внуки. Старается вкусно приготовить, угостить пирожками, варениками.

Бабушка учит нас быть добрыми, чуткими друг к другу. Учит находить выход из любой ситуации, выносливости, смелости, смотреть трудностям в глаза и уметь радоваться жизни.

Бабушка имеет много наград. Я рассматриваю их с волнением и преклоняюсь перед ней. Мне сейчас почти столько же лет, сколько было бабушке, когда она ушла на фронт. А смогла бы я защитить Родину, вынести страдания, совершить подвиг? Иногда я думаю, что вот каждый день мы ходим в школу, учимся, развлекаемся, что-то делаем, грустим, веселимся, жизнь кажется нам то светлой, то мрачной, но часто ли мы находим время, чтобы вспомнить? Вспомнить о тех, кто воевал и не вернулся с войны, вспомнить о тех, кто жил в оккупации, боролся за жизнь и смог выжить.

И хорошо, что у нас, не знавших войну, в День Победы слезы на глазах. Значит, мы не равнодушны к судьбам тех, кто прошёл через эти испытания, кто подарил нам мирное небо, яркое солнце.

Диана Савченко

г. Иркутск, БГУЭП,
2 курс, ф-т журналистики

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА

Воспоминания моей бабушки

— Я хочу кушать, — повторяла я, стоя в длинной очереди и кусая пальцы от голода. — Ира, ну скоро там, когда нам дадут хлебушек?

И так было каждый день. Мать будила нас с сестрой рано утром, и мы, сонные и голодные, шли за долгожданным пайком — полбулки кукурузного хлеба на семью. Наша семья состояла из трех человек: я, старшая сестра Ира и мать. Отца мы не видели, они с матерью разошлись еще до войны. Он, как и все мужчины, был на войне, дошел аж до самого Берлина и вернулся с наградами... но мы его не видели. И вот, когда мне было шесть месяцев, мы с семьей из Тбилиси переехали в курортную зону Абастумани на юге Грузии, в трех километрах от нас находилась турецкая граница. Это было красивое место: кругом великие горы, дикие груши и яблоки, чистый воздух... и простор, простор...

Тринадцать санаториев, которые превратили в госпитали, не прекращали принимать раненых солдат. Их привозили открытые американские машины — студебеккеры, так как простым машинам трудно было пробраться в наши горы... Это было страшно... Вид искалеченных тел, боли, уродства навсегда остался у меня в памяти.

— Смотри, опять везут раненых, — кричали дети.

— Ой, а у этого рук нет, одни обрубки. Как же он без рук-то, бедненький, будет.

— А вот у нашей воспитательницы вообще сын умер, — сообщил мальчик. — Она так плакала громко, волосы на себе рвала.

Да, плакала, волосы рвала в прямом смысле, грузинки вообще очень темпераментные. Слез было много. Вот идешь, например, по улице, слышишь в каком-нибудь доме крики, плач, точно знаешь — в этом доме кто-то умер.

А рано утром, часов в пять, когда многие спят, особенно дети, дядя Ваню, армянин, вывозил мертвых солдат из госпиталей. У него была такая высокая телега с большими колесами, куда он складывал мертвецов и вез их в морг по нашей центральной асфальтированной дороге. Телега эта очень гремела. А потом дяде Ваню выделили ишака, который помогал ему везти эту тяжелую ношу. Очень много погибших было после крупных битв, о которых мы узнавали от взрослых или слышали о них на центральной площади: там стоял репродуктор и голосом Левитана сообщал обо всем происходящем на фронте.

Мы, дети, не видели войны, не боялись за свою жизнь, но мы ощущали ее: постоянный голод, сладкого в то время вообще не было, а так хотелось... Одежды, обуви всегда не хватало. Помню, мать шила нам из списанных из госпиталя простыней маечки и трусики. Так мы и бегали в этих обновках с апреля по сентябрь, еще и босиком. НО! Мы были свободными! Предоставлены сами себе. Играли в волейбол, третий лишний, испорченный телефон. Мальчики для игры в футбол сооружали себе мяч из тряпки, набивали травой и гоняли его, пока не растреплется. Девочки шили куклы. Саночки зимой тоже делали сами: брали полено, остругивали его стеклышком, сбивали гвозди, и готово, можно кататься с наших могучих гор! Устраивали соревнования между санаториями, ходили в по-

Конкурс

ходы на озеро, собирались на «общественные обеды»: у кого ложка масла, у кого картошка, кто еще что-нибудь принесет, так и кушали. Среди нас были греки, турки, белорусы, армяне, и дружили мы со всеми, без всяких разделений. Бегали украдкой в санатории смотреть фильмы о войне. Детей туда не пускали, но мы пробегали так: стоит очередь взрослых, а мы, хоп, у них между ног и в зале. А если не получится, так в этих залах окна огромные, вскарабкаемся и смотрим на наших героев. Не воровали, не пакостили. Стихи, которые учили в школе, помню до сих пор. Сказать, что это было плохое детство, я никак не могу. Голодные, но свободные!

Помню, пришла я как-то в школу, а моего соседа по парте, Гены, нет.

— А где Гена? — спрашиваю я.

— Так его сегодня ночью вместе с семьей увезли.

— А... еще одного.

Вывозились так называемые ненадежные семьи. Те, у которых родственник на войне либо пропал, либо сбежал или еще что-нибудь. Увозили их ночью, быстро, не давали времени на сборы. Так, из нашего класса «пропало» человека три-четыре. Нас тоже часто проверяли, зайдут ночью пограничники: «Проверка документов». Но это было уже после войны, после нее же появился и хлеб. Помню, принесла мать булку, два килограмма, пшеничную. Запах был такой, о-о-о, аж внутри все сводило! И принялись мы за эту булку, ели-ели, но всю не осилили — большая была.

— Девочки, ну что же вы не кушаете хлеб? — спрашивает мать.

— А мы уже и наелись! — отвечали мы, довольные.

Но это было уже после окончания войны. А вот как она кончилась, я прекрасно помню. Об этом всем сообщил Левитан. Взрослые обнимались, смеялись, плакали. Кругом крики: «Ура», «Победа», «Гитлер капут!» Моя старшая сестренка выбежала на улицу и стала кричать: «Гитлер победил, Гитлер победил!»

— Ты что говоришь, дурочка, Сталин победил, мы победили!!! — отшлепав, крикнула на нее мать.

— Ой, я просто перепутала, Сталин, Сталин! — радовалась сестренка.

На улицах тут же стали появляться столы, стулья, все доставали свои запасы. Пили, ели, пели песни, а мы бегали вокруг столов, как бы что-нибудь ухватить повкуснее.

А потом был пятьдесят четвертый год. Мы собирались переезжать в Забайкалье, к тете. Моей сестре нужно было учиться дальше, наша школа была только до восьмого класса. Мать собрала все наши вещи, получилось несколько кульков. За нами приехала машина. О-о, а машина в то время была для нас чем-то необыкновенным. Я хвасталась перед подругами: «Вот, я уезжаю, а вы остаетесь, мы все едем, а вы нет!» И вот эта машина увезла нас на станцию Боржоми, а уже оттуда мы отправились в далекое Забайкалье...

И кого мне было больше всех жаль оставлять, так это моего кота Чижика. Это был мой личный кот! Я подобрала его котенком, выходила. Получился такой большой, пестрый, красивый кот. Он был от дикой кошки и на все лето уходил в леса, гулял по горам, а зимой возвращался домой. Я его очень любила. Но животных нельзя было брать в поезда, и поэтому он остался там, у себя дома, гулять дальше по своей красивой горной Грузии...

Мария Наумова

г. Железногорск-Илимский,
школа № 5, 8 класс

ТОЛЬКО ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

Постарела мать за много лет,
А вестей от сына нет и нет,
Но она все продолжает ждать
Потому что верит. Потому что мать.

Из песни

Ей был сон: тихонько отворяется дверь, и входит Леня. Почему-то в детской рубашечке с погончиками и кармашком, чуть оторванным — все зашить не успевала. «Мама, мама, успокойся...» Сказал и ушел. Она села на кровать и сидела так до утра, прислушиваясь к своему сердцу. Оно говорило: «Жив!»

Софья Ивановна Козлова родилась еще при царе. Сколько разных событий прошло с той поры, сколько войн, реформ...

Жить ей было нелегко. Одно счастье — здоровья и силы дал ей Бог. И муж был под парю. Нажили с ним четверых детей. В сороковом году призвали в армию старшего сына Леонида, служил он на Дальнем Востоке. Как и все, читал Есенина, увлекался Грином, мечтал об Алых парусах, пытался понять жизнь, которая была далеко не простой...

И вот война... Муж и младшие сыновья-подростки встали у станка, помогали фронту.

Леонида отправляют освобождать Сталинград, оттуда, конечно писал письма, но его мать, Софья Ивановна, получила одно-единственное:

«Добрый день! Здравствуйте, тетя, мама и братья Тоня и Алфеша. К вам с приветом ваш сын и брат Леонид. Мы находимся в 15 километрах от фронта, слышны взрывы снарядов. Обо мне не расстраивайтесь. Выпала нам доля защищать Родину и бороться с коварным врагом. И мы будем гнать и бить его, чтобы не было его на нашей земле. Живите спокойно, работайте, чтобы дать для Красной армии больше вооружения и продовольствия.

Ночи стали холодные, пошли дожди. Хотя у нас есть плащи, но все же ночью ноги зябнут, да еще и ботинки малы... Но всем надо переживать это время и выстоять. А мы за Родину не пожалеем своей жизни. Пока, до свидания. Целую вас всех.

Ваш Леонид».

А вскоре из части сообщили, что Леонид пропал без вести. Горе бабуля глушила заботой о детях да тяжелой работой.

Ждала сына всю свою жизнь, надеялась, плакала и вспоминала. Она доставала из сундука его фотографию, где он был здоровым, сильным, молодым. Девятнадцатилетним.

Из беды тебя я выручу!
Прилечу орлицей быстрою
Отзовись, моя кровиночка...
Изболелась я.
Не могу найти тропиночки,
Чтоб заплакать над могилою,
Не хочу я ничегошеньки,

Кашура

Только сына видеть милого
 В полях чужой земли.
 Без имени пропал ты, без могилы
 Хотя б домой рубаху привезли,
 Чтобы слезами кровь на ней я смыла...

Но так и не увидела мать своего сыночка. Он остался для нее навеки девятнадцатилетним. И приходил к ней иногда только во сне.

Ксения Мельникова

Новоизгирминск,
 школа № 3, 8 класс

ПИСЬМО С ФРОНТА

В нашей семье бережно хранится последнее письмо с фронта Русина Петра Саввовича, брата моей прабабушки.

Петр был третьим ребенком в многодетной крестьянской семье. Отец оценил способности сына к наукам и отправил его учиться в Киев. В родное село Вязовок Городищенского района Черкасской области вернулся Петр Саввович дипломированным учителем, вступил в КПСС, женился на самой красивой девушке села. Родители умерли рано, и его младшие братья и сестры остались с ним.

Петр не умел хитрить и приспособливаться и из-за своей прямолинейности попал в список неблагонадежных. Его исключили из партии по ложному доносу и должны были судить. Но грянула война, и П.С.Русин добровольцем ушел на фронт.

До 1944 года он ничего не знал о своих близких, так как родное село было оккупировано немцами. А когда наладилась переписка с родными, Петр узнал горькую правду о том, что его любимая жена Прасковья, забрав дочь, ушла к своим родителям, не выдержав тяжкого груза на своих плечах.

В своем последнем письме Петр обещает, что будет помогать дочке всю жизнь, и, обращаясь к родным, пишет: «Дорогие сестры и братья, я очень рад, что вы все остались живы и не угнаны в немецкое рабство. А то, что уничтожено фашистами — поправимо. В наших условиях все можно восстановить, и особенно унывать не надо. Если можно, то начинайте строить дом вместе, а я постараюсь помочь. Только не особенно спешите, времени на все хватит. Главное — обеспечьте себя продуктами питания и одеждой, чтобы вы не были голодными и голыми. А где жить — найдем, когда врага разобьем. С юга нас перебросили на север, и я стал еще дальше от дома...»

Письмо было написано 27 мая 1944 года; 25 июня 1944 года в возрасте тридцати лет Русин Петр Саввович погиб в жесточайшем бою за деревню Гороховищи Полесской области. Захоронен в Братской могиле в деревне с красивым названием — Любань... Сейчас это территория Белоруссии. Мне бы очень хотелось возложить цветы к его могиле, но в наше время это далеко не просто.

Моя мама рассказала мне, что в 60-е годы она еще ребенком жила на Украине. Однажды их дом посетил фронтовой однополчанин нашего прадедушки. Он говорил, что Петр Саввович — его идеал человека, учи-

теля и командира. Фронтовик, утирая дрожащей рукой слезу, текущую по старому, оставшемуся после ранения, шраму, рассказывал: «Я был совсем пацаном, когда попал на фронт, и очень боялся погибнуть, не совершив подвига. В воинской части 43183 «Г» я неожиданно встретил Петра Саввовича Русина и очень обрадовался, так как это был мой односельчанин и к тому же любимый учитель. Хотя я и получил назначение в другую воинскую часть, Петр Саввович взял меня к себе. Это сейчас я понял, что он оберегал меня, заботился, отсылая подальше от линии фронта, а тогда я обижался. Однажды Петр Саввович выходил на задание и набирал группу добровольцев. Но до того, как бросить клич: «Добровольцы, вперед!», он отвел меня в сторону и потребовал: «Ни в коем случае не вызывайся идти со мной! Остайся и береги себя, пожалуйста!..» Он еще что-то говорил мне, но я, оглохший от обиды, что он меня бросает, не прислушивался к его словам. Я бы сейчас многое отдал, чтобы вернуться в то время и запомнить каждое слово моего учителя.

Потом был бой, меня ранило. Вернувшись в часть, я узнал, что отряд Русина П.С. выполнял отвлекающий маневр. Они были пушечным мясом, вызывая огонь противника на себя, а основная часть войска пошла другим путем, и операция была завершена удачно. Только из отряда Русина не вернулся никто... Петр Саввович знал, что ведет людей на смерть, а меня спас... Я в вечном долгу перед ним. Меня наградили Звездой Героя, но это его награда. Он был лучше, добрее, умнее меня и мог бы сделать намного больше на этой земле, чем я. Но он погиб... Последний урок доброты и человечности Петра Русина я не забуду никогда».

Рассказ фронтовика моя мама запомнила, но, к сожалению, его имя стерлось из ее памяти.

...Я бережно держу двумя руками пожелтевший, рассыпающийся от времени листочек и читаю: «Привет с фронта!». Этому письму 60 лет...

Ирина Демина

*п. Худоелань Нижнеудинского р-на,
средняя школа, 10 класс*

ВОЙНА В СУДЬБЕ МОЕГО ДЕДА

Светлой памяти деда, Алексея Пахомовича, солдата Великой Отечественной, посвящаю

Приближается 60-летие Победы над фашистской Германией. Время идет вперед и все дальше отдаляет нас от страшных лет войны. Великая Отечественная — это легендарная летопись в истории нашего народа, это страница памяти героизма, мужества, стойкости миллионов людей, которые перенесли тяжелейшие испытания, смогли защитить свою Родину, отстоять ее честь и независимость. Было бы непростительно, если бы память об этих трагических днях в жизни страны канула в пучину забытого. Ведь очевидцев, хранящих воспоминания тех дней, с каждым годом становится все меньше. И слова поэтессы С. Алексеевич это подтверждают:

Все дальше мы уходим от войны,
Все меньше на земле ее познавших.

Слишком велика была цена победы для нашего народа в борьбе против фашизма. Все люди страны старались помочь Родине: один за другим на фронт уходили эшелоны с военными, в то время как оставшиеся трудились в тылу. «Все для фронта, все для Победы» — это был главный лозунг граждан СССР в годы войны. Ужасна разруха, причиненная войной: были стерты с лица земли целые города, поселки, деревни; хлебные поля, с которых когда-то собирали богатый урожай, исчезли, а на их местах появились окопы. Едва ли были страшнее и тяжелее годы, чем те, сороковые. Коснулась война и моей семьи. В ряды Красной армии был призван Демин Алексей Пахомович, мой дед по линии отца.

Я не застала дедушку в живых, но мое впечатление о нем сложилось из воспоминаний близких ему людей, фотографий, семейных альбомов, документов. Меня всегда интересовала история моей семьи. Конкретно из жизни деда мне бы хотелось побольше узнать о том, какой отпечаток нанесла война на его судьбу. Именно так и стала называться моя исследовательская работа. Интересно узнать, на каких фронтах он воевал, о трудных военных днях, о том, как вернулся домой. Я считаю, что такие рассказы и воспоминания должны не забываться, а передаваться из поколения в поколение, тогда они будут жить вечно. Пусть моя работа будет небольшой крупницей того огромного труда по возрождению памяти о героях Великой Отечественной войны, о всех, кто приближал Победу!

Папоротники воспоминаний,
Прохожу опять по вашим дебрям.
Тихо дорогими именами
Стебли ваши стройные колебля,
Папоротники воспоминаний.

Ольга Фокина

Нельзя не шевелить прошлое, не касаться его ветхих страниц, не перечитывать на них историю своих предков, не интересоваться их подвигами, пусть даже небольшими, не говорить, не вспоминать, не думать о прошлом. Эта истина была открыта много веков назад древними римлянами: «Без прошлого нет будущего. История — учитель жизни. Знать прошлое — значит, во многом понять настоящее и предвидеть будущее». За спиной у каждого из нас целая галерея предков. И редко кто знает, хотя бы как звали прабабушку, деда, кто из них кем был в жизни, к чему стремился и как жил.

Я считаю, что мне очень повезло, что до меня дошли рассказы, воспоминания, сведения, справки о моих родных, которые жили намного раньше меня. Это все благодаря тому, что в нашей семье трепетно относятся к памяти о прародителях.

Когда-то А.С.Пушкин сказал: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории моих предков». Да, я тоже так думаю.

Это история жизни моего деда, в ней видна и история нашей страны. Мой прадед, Демин Пахом Никифорович, был человеком простым, самым обычным представителем всей русской крестьянской братии. Работал от зари до зари в колхозе и на домашнем участке, растил детей, иногда подрабатывал столяром: ходил по домам, на заказ выстрагивал оконные рамы. Мирно и размеренно текла бы дедова жизнь, если бы не время, в котором он жил. Об этом сказал известный поэт-современник Е. Евтушенко в стихотворении «Страхи»:

Это стало сегодня далеким,
Даже странно и вспомнить теперь
Тайный страх перед чьим-то доносом
Или страх перед стуком в дверь...

И моего прадеда это не обошло. По чьему-то ложному доносу, он был обвинен в том, будто бы он подсыпал в колхозный трактор битое стекло. Но зачем ему это нужно было делать — не написали доноски. Глупо, но это правда.

Дед, ничего не подозревавший об этом доносе, так же жил, работал. И вот однажды ночью в дверь постучали. Бабушка открыла. Неизвестные люди, грубо ее оттолкнувши, прошли в дом. Деда под руки вывели на улицу и посадили в черный «воронок», ставший роковым для многих. И, что странно, все происходило без объяснений, молча.

Не допахал я начатое поле
И не собрал желанные плоды, —

писал один из репрессированных. Эти слова как нельзя больше подходили и к моему деду.

Никто из родственников, близких не знал, куда в ту ночь увезли деда. Семья в неведении: думали, гадали, что же могло случиться? за что так?.. Тяжело без кормильца, мужа, отца, лучшего советчика и судьи стало враз в осиротевшей семье.

Прошло три долгих года. Вдруг... вернулся дед! Рассказал про тот донос, про то, как сидел в тайшетской тюрьме, что не было над ним ни суда, ни следствия, не было понятых, защитников, а просто взяли и посадили. Ни за что. Просто время было такое, тяжелое и смутное, его когда-то переживала наша страна. То была грозная эпоха Сталина, которая является трагедией народа.

Годы сталинщины деформировали понятия о добре и зле, чести и бесчестии, верности и долге, порядочности и непорядочности. Не зря говорят: «История повторяется дважды». Была жизнь прадеда Пахома Никифоровича, потом деда Алексея Пахомовича. Жизни разные, ведь нет на свете одинаковых судеб. Но в судьбе сына Алексея повторилась жизненная нить отца. Эти два поколения перетерпели почти те же тяготы, трудности. У прадеда — репрессии, у деда — война. История огромной страны отразилась на судьбе каждого ее сына, на судьбах в основном простых людей, каким и был мой дед.

Из следа в след...

Пускай ты умер!..
Но в песне смелых и сильных духом
Всегда ты будешь живым примером,
Призывом гордых к свободе, к свету!
М. Горький

22 июня 1941 года, на рассвете, без объявления войны, вероломно нарушив договор о ненападении, немецко-фашистские войска вторглись на советскую землю. Тысячи немецких орудий внезапно открыли огонь по пограничным заставам, по штабам и расположениям войск. Так началась Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии.

В тот момент, когда это произошло, дед жил с семьей в селе Вилинск (оно находится у села Иргей Нижнеудинского района Иркутской области). О войне в деревушке узнали не сразу, не 22 июня, а чуть позже. Бабушка

Конкурс

рассказывала: «Ранним утром, когда вся деревня еще спала, я проснулась от какого-то шума, криков на улице. Вдруг в окно громко постучали, я встала, открыла форточку; парень лет двадцати пяти говорит: «Идите на сходку срочно. Гости приехали». Разбудила Алексея. Он ушел. А я думаю: «Ну что же такое? Ни свет ни заря людей собирают...»

«Война!» — единым словом пронеслось по рядам на собрании. «Как же так? Что еще за Гитлер? Какие повестки?» — переспрашивали в недоумении люди друг друга. И, вздохнув, отвечали: «Что ж, воевать так воевать!» Сборы, прощания, отправка — все пронеслось быстро, как во сне. Дед был призван Нижнеудинским РВК Иркутской области 8.VII.1941 г. Дед, уходя, будто бы сказал словами К. Симонова:

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...

Дома остались ждать и надеяться жена Екатерина Ефимовна и четверо детей: Надежда (12 лет), Валентина (7 лет), Лида (3 года) и Гена (1,5 года).

В конце июля дед по распределению попал в 480 гаубичный артиллерийский полк, находившийся в Карелии. Гаубица — это артиллерийское орудие для навесной стрельбы по укрытым целям. Снарядами, что стреляла эта огромная пушка, дед уничтожал вражеские окопы.

В 1943 году случилась одна печальная история, связанная с моим дедом. Похоронка. Этого листа с напечатанными на нем буквами, несшими весть о смерти близкого человека, боялась каждая семья. Похоронку сравнивали со змеей, она могла попасть в любой дом и в какое угодно время. Но ее смысл был всегда одинаков: родного человека не стало в живых, он никогда не вернется домой, его жизнь оборвалась вмиг; будь это пуля, граната или мина, принесшие смерть — неважно, не вернуть человека! Рухнули все надежды, ожидания. Жизнь казалась перечеркнутой. Похоронка на деда пришла зимой 1943 года. Честно сказать, не думали в семье, что так случится. Ведь от деда исправно шли письма, в них он писал, что все нормально, жив, здоров. И вдруг...

Дома горький плач, стоны: «Неужели некого больше ждать? Неужели мы никогда его не увидим? Неужели его нет в живых? Неужели?..» Старшая дочь Надежда Алексеевна вспоминала: «Мы с мамой не могли даже поверить, как это — папы нет». Но это было так. Горькая правда. Не описать словами, что творилось в те минуты дома. Никогда семья не чувствовала такой потери.

Прощаться с дедом долго не могли. Казалось, будто он сейчас привычно откроет дверь и скажет: «Ну, заждались?!»

И чудо!.. Письмо от деда. Как так? С того света? Распечатали, сверили числа. Жив!!! А тогда ошибка вышла!

Оказывается, это погиб дедов земляк по фамилии Демидов. При марше, когда сцеплял трактор и телегу с пушкой, видно, не успел отбежать в сторону, задавило.

Бабушка окончательно запуталась. Она сначала не могла поверить в то, что деда нет, а теперь в то, что жив. Столько потрясений за короткое время. Но дед живой! Живой!

Вскоре пришло еще одно письмо. Сомнения развеялись. Похоронка ошибочная. А все же: «Как было радоваться, — вспоминала бабушка. — Когда где-то, недалеко от нас, семьей получена такая же похоронка, но уже не ошибочная, действительная». Снова ожидания, надежды, вера...

В марте 1943 года по перераспределению дед был отправлен в 215 артиллерийский пулеметный батальон.

По воспоминаниям деда, бои 1944 г. — самые тяжелые. Он немного рассказывал ужасы того времени, самого голодного и страшного. Бывало

так, что еду на фронт не доставляли сутками — есть было нечего. Приходилось отрезать куски мяса от убитых в бою лошадей и зажаривать на костре. Бывали и случаи того, что люди обжигались, сгорали спящими у костра, ведь усталость смыкала глаза крепким сном, и, как под сильным наркозом, люди не просыпались. Случалось такое и моим дедом. Он спал после трудного боя и почувствовал, что огонь от костра уже приблизился и языки пламени лижут плечо. Вдруг дед проснулся и кое-как затушил горящую одежду. На плече фуфайки зияла дыра, было видно кожу, вздувшиеся пузыри. В санчасть дед не обращался. «Пройдет» — говорил.

Однажды чуть не произошло непоправимое. Дед бы попал в лапы немцев, но, к счастью, этого не случилось. Артиллерийская тактика была такая: выезжает несколько орудий поближе к немецким позициям, дают 3-4 залпа по ним и в срочном порядке возвращаются обратно, чтобы не попасть под ответный огонь.

В очередной раз дед выполнял задание. Когда возвращались, он случайно попал в спираль Бруно — это ряды спутанной колючей проволоки с прицепленными на нее рыболовными крючками. Немцы специально выставляли так, чтобы наши путались, а потом брали их в качестве «языков». Крючки, проволока — все зацепилось за дедову одежду, чем больше он пытался выпутаться, тем больше запутывался. А уже были видны немецкие солдаты. Командир сказал деду: «Демин, выпутывайся быстро, или я тебя сейчас застрелю» и достал пистолет. Дед, сбросив сапоги (потому что сильно запутались ноги), стал выкручиваться из этой «мышеловки». Получилось! Страшно подумать, что бы могло быть, если бы дед попал в плен. пытки, расспросы, издевательства. К счастью, все это его обошло. Он рассказывал, что многие люди, среди них были даже его товарищи, пропадали без вести, возможно, попав к немцам.

В июне 1945 года, по окончании военных действий с Германией, дед был направлен на Дальний Восток, где развязалась война с милитаристской Японией. В боях дед не участвовал. Несколько месяцев их 215 артиллерийский пулеметный батальон стоял лагерем близ бухты Ольга Тихого океана.

Прошли годы войны! Мир! Все фронтовики-ветераны возвращаются домой. Впереди новая жизнь. Уже в дороге многие строили планы. В ноябре вернулся дед. Дочь Лидия Алексеевна, ей тогда было 7 лет, вспоминает: «Я сидела дома на сундуке и смотрела в окно. Вдруг вижу, идет человек, чем-то мне знакомый. Сердце сжалось. Может, папа?! Человек свернул к нашим воротам, вошел в дом. Мама, Надя и Валя бросились к нему, Гена заплакал, потому что отца он не помнил. Это был папа! Как он изменился: поседел, морщины на лице стали глубже, его походка приобрела усталость, хоть и выглядел он браво. Вот радости было у нас!»

Тяжелые испытания войной, выпавшие нашей семье, кончились. На смену им пришли мирные заботы... На этом и закрываются страницы военной истории моего деда. Я всегда говорю: «Мой дед — моя гордость».

Золотой фонд

Георгий Замаратский

Родился в деревне Погодаево Нижнеилимского района Иркутской области. Закончил Иркутское художественное училище. Автор романов «Твой ход, Яверя», «Пыхуны», повестей «Поселенец», «Дедушка Гирдачка», «Екин фарт» и др. С 2000 г. член Союза писателей России. Живет в Иркутске.

ВОЕННЫЙ АЭРОДРОМ

Прошло около года. Егорка бегал всю зиму в школу, изредка вспоминая событие на сенокосе, когда он сделался чуть ли не героем дня, чувствуя на себе уважительные взгляды не только подростков, но и взрослых. Конечно, никто ничего не говорил ему о его «изобретении», если не считать Мишку Солодёнкова, который нет-нет удивлялся, пряча завистливую улыбку за деланным равнодушием:

— Нет, ты скажи, как ты умудрился?

— Чего? — хорошо понимая, о чем речь, переспрашивал Егорка.

— Ну, чурбак вместо пружины-то привязать?

— А чё сложного? Взял и привязал...

— Скажи, как просто! А вить до тебя никто не додумался...

— Да ладно тебе! — отмахивался Егорка, втайне польщенный.

Зимой Егорка вспоминал, как возил копны к стогу на Чалке, а дед Матвей, коренастый, похожий на медведя старик с вечной трубкой в зубах, вершил такие стога, что диву даваться! Как корабли океанские, возвышались они величественно на мысах, огороженные жердником от потрав скотом и зверьем. А вот косить в то лето Егорка так

и не научился, да никто от него этого не требовал: довольны были тем, что освободил от ручной гребни сена. И с чуркой больше не маялся: когда ездил домой помыться в бане, нашел пружину, точно такую, какая требовалась, в куче металлолома на машинном дворе. Захотел — и нашел! Кто хочет — тот добьется... Греб потом и не маялся с часто перетирающейся веревкой и громоздкой чуркой. Один за все звено справлялся!

Осенью то копали картошку в колхозе, то возили на гумно снопы с поля. Так прошел долгий сентябрь, и уже поманивало в школу, но не затем, чтобы учиться, а затем, чтобы отдохнуть от тяжелого крестьянского труда от зари до зари, но и учиться тоже понемножку, так, для удовольствия, «чтоб не измучилось дитя».

Действительно, чем не жизнь: отсидел в школе пять-шесть уроков и полдня свободен! Делай, что хочешь, отдыхай в свое удовольствие. Велика ли нагрузка — выполнить письменные работы на дом, и то не всегда, в зависимости от характера учителя. Ну еще дома по хозяйству несложные обязанности: дров наколоть, натаскать их к печкам, воды принести с реки, у коровы в стайке почистить...

Разве сравнить это с колхозной работой!

В октябре пошли в школу. Встречи, радостные, взволнованные, с одноклассниками, с учителями; чинно, чисто, светло на душе и в школе, в классах; даже в школьном саду торжественно от рыжих тополиных листьев, торжественно-печально от голых кустов черемух.

В декабре в школе начался «колотун», то есть холод: печи протапливались еле-еле, сэкономили дрова. Ученики сидели в шубах, в пальто, в стезёнках, грели дыханием и за пазухами руки.

Павел Нестерович, учитель географии, заявил как-то:

— Будем издавать рукописный журнал «Край родной». Думаю, возражать против названия не будете?

Ребята не возражали. Павел Нестерович довольно погладил русую вьющуюся бороду, голубые глаза его цепко пробежали по рядам ребят, он встряхнул русой же волнистой шевелюрой и показал самодельный альбом из дешевой газетной бумаги.

— Кто оформит? — спросил и поправился: — Кто разрисует обложку, напишет название?

— Лучше Егорки никто не сделает, — предложил Ленька Комарик, — он у нас художник.

Егорка-художник нарисовал на обложке альбома пейзаж, который видел из окна ежедневно: колхозное поле за огородами, тонкая полоска темного леса, над ним — Шальновский хребет и за седловиной — Качинская сопка, почти правильный конус со срезанной вершиной. Небо он подрозовил слабым брусничным соком (красок не было), как будто оно было залито пылающей зарей, фиолетовыми чернилами покрыл сопку и хребет, полоску леса покрасил ламповой копотью, а снег — известью, подкрашенной тем же брусничным соком, вроде отражение зари на снегу.

Павел Нестерович на следующем занятии кружка долго и старательно восхвалял Егорку-художника, у которого стало тепло-тепло на душе, и он смотрел в парту, когда учитель показывал обложку кружковцам. Голубые некрупные глаза учителя выражали неподдельный восторг, светлые густые брови взметывались удивленно на лоб,

собирая кожу на нем мелкими морщинами.

Вдохновленный Егорка вспомнил, что он и стихи писал в третьем классе, но, раскритикованный пионервожатой-восьмиклассницей, почему-то уверяющей всех, что он списал чужие стихи и выдает их за свои, обиделся и долго не брался за «стихотворческое перо», чувствуя себя в глупейшем положении: как доказать, что он не списывал стихи, что пионервожатая ошибается? К шестому классу обида не прошла, но ослабла значительно, призабылась, притупилась. «Разразился» Егорка стихами, принес их Павлу Нестеровичу для «Края родного». И опять Павел Нестерович излил в присутствии кружковцев на Егорку-поэта потоки восторгов; держа на отлете руку с листком (дальнозоркость), с которого читал строки, другой рукой сопровождал, как отсчитывал, энергичными жестами каждое слово, каждый слог и встряхивал шевелюрой:

Там, на покосе, кедр могучий,
Хвоя зеленая на нем,
Мы с кедра часто шишки бьем,
Под ним течет Тушама-ручей...

Егорка-поэт стеснялся, краснел: его смущали неточности, натяжки. Кедр действительно стоял на покосе, обозначая собой межу погодаевских и черемновских сенокосных владений, но шишек на нем почему-то не бывало давно, и Тушама была не ручьем, а приличной речкой... «Встанет кто-нибудь из ребят, — тоскливо, потаясь, поглядывал он кругом, — уличит меня во лжи».

Ребята потрясенно молчали: не то им нравились стихи, не то красноречие и огонек, с которым их читал учитель, усыпили ребячью бдительность, передали им его восторженность.

Павел Нестерович затеял и поставил на школьной сцене в пионерском зале инсценировку по поэме Некрасова «Мороз — красный нос», и опять Егорка рисовал, на этот раз на громадных склеенных листах серой оберточной бумаги зимний заснеженный лес, лошадку с дровами между деревьев. Краски — сажа, глина, известь.

И с продуктами становилось труднее. Все чаще мать, смущаясь и глядя

в пол, ставила на стол чай, заваренный сушеной морковью, а к чаю ничего не было, кроме картошки. С непривычки это казалось страшным. «Ничего, — говорила мать извиняющимся тоном, — скоро корова отелится, станет легче».

Только отпраздновали победу под Сталинградом, как пришла похоронка на старшего брата Василия, погибшего под деревней Смердыня на Ленинградском фронте. Егорке до слез было жалко мать, он не мог ни видеть, ни слышать, как она билась, изнемогая от рыданий, тонких, пронзительных, изредка прерывающихся.

Мать успокаивали соседи, говорили, что и другим не легче: вон сколько похоронок пришло в деревню... Дело общее и горе общее! Что тут поделаешь? Всем тяжело...

В марте стало пригревать солнышко, появились сосульки, свесились с крыши. Оживились, запрыгали по улице воробы.

В апреле сошел снег. Егорка с Ленкой принесли чуть ли не по полмешка зерна, вытаявшего на месте бывшей кладки. Потом собирали на бывшем картофельном поле перезимовалые клубни на лепешки-дранки. Можно есть, правда, отталкивающе резкий привкус портил впечатление и смущала темная окраска лепешек.

В конце апреля прошел лед, ребята стали саками ловить в Илеме рыбу, зажили, приободрились.

Первого мая, после демонстрации с флагами, с лозунгами, собрались в центре села у трибуны. После митинга услышали необычное объявление:

— А сейчас всем, как одному, явиться на Игнатьевское поле, чтобы принять участие в строительстве одного объекта. Захватить из дому топоры, лопаты, носилки, грабли, обед, по возможности — ужин. Все для фронта, все для победы!

Егорка пошел вместе с ребятами, взяв топор, туда, где столпились на поле люди. Он хотел вернуться к обеду, потому что мать настряпала праздничных шанежек, поставили в русскую печь томиться в чугуне мясо с картошкой (приберегла для торжества!), однако увлекся работой (им, ребятам, стало известно, что будет строиться посадоч-

ная полоса для американских самолетов, перегоняемых на фронт), срубая кустарник, прислушиваясь к тому, что говорят взрослые. Потрясающе! Аэродром должен быть готов к сентябрю. Военный аэродром! Все, кто будет зачислен в его штат, получают фронтовой паек, кто отличится на строительстве — ордена и медали. Не терпелось увидеть военные самолеты, летчиков.

Так много народу на поле Егорке видеть еще не приходилось. Охваченные порывом общего труда, люди шутили, смеялись, пели, кто-то пытался плясать. Над ним подсмеивались:

— Погоди, к вечеру напляшешься!

Откуда-то взялись красные знамена, лозунги, зазвенела торжественно-празднично гармошка, с другой стороны забасил баян.

Егорка всегда легко поддавался магии коллективного труда, поддался и на этот раз; даже с большей силой, чем обычно, наваливался на кусты, отчаянно размахивал топором, как будто врубался в ряды врага, в ряды фашистов. Он уже и видел-то перед собой не густые, упругие, то толстые, в два кулака, то тонкие, в палец, стволы и прутья, а самых настоящих оккупантов, откормленных, наглых, уверенных в своей непобедимости. «Погодь, погодь, — шептал Егорка, — вот я с вас спесь-то собью! Я вас образумлю!»

На поле, слегка бугристом и непаханом, с прошлогодней стерней, торчали вбитые в землю колышки, вешки, обозначающие направление полосы; кое-где вырытые ямки показывали, сколько почвы надо снять, перенести, перевезти на другое, низкое место. Ходил по полю человек, одетый не по здешнему, в шляпе и плаще, размахивал руками, разъяснял, указывал... «Инженер, — таинственным шепотом произнес Санька Предка, — это он главный здесь!»

Поздно вечером усталые, но очень довольные ребята вернулись домой, чуть ли не в темноте переплывая реку, на которой недавно отшумел ледоход. Они завтра снова решили поработать «на аэродроме». Теперь все так и будут говорить: «на аэродроме», «с аэродрома», «по аэродрому», как раньше говорили: «в поле», «с поля», «на поле», только слово «аэродром» произносилось

с благоговейным трепетом, с великим уважением и почитательностью.

«Встану завтра всех раньше, часов в шесть, разбуджу ребят — и на аэродром!» — подумал Егорка, глядя на друзей с опасением, чтобы не пришла, не дай бог, кому еще такая мысль в голову.

— Где ты был? — спросила недовольно мать, едва он переступил порог. — С обеда места себе не нахожу: нету и нету парня! Че токо не передумала... Почему на обед-то не приплыл?

— Аэродром, мама, строили! — с такой важностью в голосе заявил Егорка, что мать поглядела на него пристальней, чем всегда.

— Какой ишшо еродром?

— Не слышала? — спросил Егорка и хотел сказать «военный», но не сказал, подумав, что это будет разглашением военной тайны.

— Откуль мне услышать-то? — отозвалась чуть обиженно мать. — Цельный день на улицу-то не выглянула... Перестираала, перемыла, перепочиняла скоко: вить завтра опеть на работу.

Она достала из печи чугунок, наложила в тарелку картошки с мясом, пожурила ворчливо, но уже добродушнее:

— Перепрело все, скуsnоты той не стало... Носит тебя...

Ребята теперь все свободное время пропадали на аэродроме. Бежали после уроков в школе на поле, разыскивали техника, который их отлично знал и прежде всего посылал в столовую, где они обедали, удивляясь вкусоте и мягкости белого хлеба, его тонкому, непривычному аромату, вкусным супам или щам и, что самое удивительное, второму — обычно котлеты, и третьему — компот! Пообедав, ребята принимались за любую работу, чаще всего землеройную, тяжелую... И так — до испытаний в школе.

Техник, в отличие от инженера, человек тихий, среднего роста, говорил всегда ровным, невозмутимо спокойным голосом, носил полосатый галстук под воротником белой несвежей рубашки — сразу видать, холостяк, потому что женщины и девчата постарше оказывали ему знаки всяческого внимания, но он, похоже, стыдливо избегал всяких

разговоров, кроме деловых, с ними. «Евнух, — сказал как-то Колька Тяж, — к нему лезут нахально, а он! Будь я на его месте!»

— Помолчи уж! — спокойно урезонивал Кольку Санька. — Ты бы... Все-то знаешь, все-то ты можешь! А копни тебя глубже — хвастун!

Однажды прилетел кургузый зеленый самолет, опустился на ровный луг неподалеку от работающих ребят. Они побросали лопаты, ринулись к диковинной птице. От нее несло перегретым маслом и бензином, на крыльях и фюзеляже четко читались огромные буквы и цифры. Из самолета вылез летчик в комбинезоне, в шлеме...

— Так это наш, — разочарованно протянул Колька, — а я думал — американский! Во, думаю, молодцы, мы еще аэродром не построили, а они уже самолеты погнали на фронт!

— Разевай рот пошире, — сказал Санька Предка, — погнали! Они, пока аэродром не построим, и пальцем не пошевелят: капиталисты! Расчет у них на первом месте, а то, что наши кровь проливают — им наплевать. Вот если бы Гитлер на них напал!

Техник подкатил к самолету, сидя на телеге рядом с возчиком, понукающим лошадь. Следом подъехал еще один возчик.

— Помогите, ребята, самолет разгрузить, — обратился техник к ребятам, — становитесь цепочкой... Так, так... Правильно!

Ящик выскользнул из рук Глебки, грохнулся о землю, полуразвалился. Выглянули наружу консервные литровые банки с непонятными буквами. Глебка виновато бросился поднимать ящик.

— Осторожнее, — тихо попросил техник, — не спешите...

Выгрузили все. Возчики отъехали. Летчик вытащил из самолета длинную веревку с чем-то похожим на рукавицу на одном из концов, надел эту рукавицу на лопасть пропеллера, забрался в кабину и махнул рукой. Ребята потянули за веревку — пропеллер дернулся, как психованный, мотор чихнул дымом, но не завелся.

— Веревка-то резиновая! — ахнул Глебка, хищно прищурился карие глаза и поводя из стороны в сторону носом,

кончик которого словно был приплюснен чьим-то озорным пальцем, но так и не распрявился, остался сплюснутым. — Сколько добра пропадает...

Ребята понимали: резина — это рогатки, это моторы для моделей, это шарики, привязанные к длинной резинке и к запястью правой руки: удар в спину девчонки — и шарик снова в ладони. Шито-крыто, ничего не видно! Кто сделал, кто ударил? Неизвестно.

— Попробуй только! — предупредил Санька Предка спокойно.

— Да че ты? — обиделся Глебка. — Что я, не понимаю?

— Знаю я вас, — строго заявил Санька, — давно ли было!

Нет, ребята видели самолет не впервые. Не раз залётывали на Илим самолеты, диковинные птицы. Егорка помнит, как лет пяти от роду услышал далекий стонущий звук, нисходящий с голубой выси неба. Звук нарастал, тонкий и мелодичный, приближаясь со стороны Ждановской двуглавой сопки. Потом в небе появилась точка, которая быстро увеличивалась, пока не прошумела огромной птицей над головой и не опустилась плавно на воду Илима, не подрулила к берегу и из нее не вылезли два человека, одетых не по-летнему, толстых и неуклюжих...

Это было удивительно, но не явилось неожиданностью: самолеты Егорка видел на этикетках спичечных коробков, в книгах, на плакатах, даже в кино.

После, не часто, правда, может раз в год, в два, стали прилетать самолеты, которые садились на луга возле райцентра, и всякий раз вокруг них, аэропланов этих, собирались большие толпы и стариков, и старух, и взрослых, и детей.

— Смотри внимательно, бабушка, — серьезно говорил Борька Черемушкин, комсомолец-крепыш, — сейчас из кабины сам Иисус Христос вылезет в образе человеческого...

— Цыть ты, негодник! Цыть, богохульник! — сердилась бодрая еще бабушка, которой так захотелось посмотреть небесную птицу.

И в этом году, в конце февраля, прилетал самолет, сел на лыжах, прокатился по заснеженной глади реки. Дня через два стал взлетать, задел провода электрические, перетянутые через

реку (днем они были без тока, свет давали только вечером), нырнул, вернее, клюнул носом, выправился и — снова в провода, на этот раз для радио. Летчик решил, что над рекой натянута множество всяких проводов, отвернул вправо, на деревню...

Иван Никифорович, бригадир колхоза (бывший!), схватил жену Матрену за руку и с криком «Караул!» бросился из-за стола к уличной двери: самолет шел прямо в окна его дома.

— А-а-а! — завопила истошно сухопарая Матрена.

Самолет рухнул в огород на берегу, сполз хвостом вниз под обрыв. До дома Ивана Никифоровича оставалось метров восемь...

Егорка и Ленька сбежали с урока физкультуры и, только вышли из проулка на реку, увидели покалеченный самолет под обрывом. Мигом перебежали реку. Летчик сидел на взвозе, расставив ноги в меховых унтах, меховая же куртка была расстегнута, шлем сбит набок, со щеки медленно текла кровь. Летчик молодой, лет двадцати пяти, задумался, тоскливо глядя на самолет. Ребятам стало жаль его: так он был удручен происшествием.

Повреждения небольшие — сломан пропеллер, повреждено правое крыло на конце, из него торчали нервюры.

Летчик уехал за помощью. Проезжал с неделю. За это время кто-то срезал резиновые (в виде веревки) амортизаторы с лыж, спер из кабины сиденье, начал обдирать перкаль с крыла и отвинчивать приборы. Ремонт самолета задерживался еще недели на две. Похитителями оказались детдомовские ребята, которые успели «удачно торгануть» резинками, длинными, тонкими-тонкими... Прелесть, а не резинки! Милиционеры потом долго оставались не равнодушными к тем, у кого замечали ее, таскали на допросы в отделение.

Вот что имел в виду Санька Предка, когда предупреждал Глебку во время заводки мотора веревкой с «рукавицей» на конце.

Вспомнился Егорке еще один случай, давнишний только.

Предупрежденные телеграммой (мгновенно распространился о ней слух

по селу и ближайшим деревням), собрались толпы народу встречать самолет, в котором должны были прилететь какие-то очень известные летчики. Ребята, и среди них Егорка, едва ли не первыми прибежали на поляну к Пороховушке, где должен был приземлиться самолет, который после недолгого ожидания показался в небе и пошел на снижение, целясь на луг.

Ребятам из-за спин взрослых было плохо видно поскотину — узкий длинный луг, — и кто-то из них ринулся на другую сторону, где никого не было. Егорка некоторое время поколебался: самолет-то снижается, но, увлеченный бегущими, решил, только припоздал. Бросился вслед, косясь оценивающе на приближающийся самолет, как будто в лапту играл. Он, который еще не ходил в школу, не принимал, не мог принять всерьез опасность, угрожающую ему и не только ему: рядом, неподалеку, бежали еще ребята, такие же, как он, дошколята. Кто-то из толпы пытался их остановить окриком, но куда там! Кто-то хотел броситься вслед...

Егорка видел блестящий диск пропеллера, черные колеса под днищем самолета, буквы на плоскостях. От чувства игры не осталось и следа, появился, навалился страх, какой страх, ужас! Опасность надвигалась стремительно, куда стремительнее его бега. Он поддал скорости, но чувствовал, что его спасти может только чудо. Мгновение — и крылатая смерть накроет его, раздавит, разматает кишочки по лугу, расплющит колесами в блин...

Он все еще на что-то надеялся, рвался вперед, понимая, что назад уже нельзя: глазомер-то в лапту выработался отличный! Ему казалось, что летчик (ведь живой же человек!) взмлет вверх, сжался над ним, над ребятами. Самолет снижался. Тогда Егорка, не помня себя от ужаса, не сознавая, что делает, вздернул руки над головой и закричал дико: — Сда-аюсь! Сда-а-аю-уюсь!

Ему показалось, что крик не вырывается из горла, застревает в гортани, тогда он бешено замахал руками, умоляя таким образом сжалиться над ним, простить глупую выходку, которая никогда-никогда больше не повторится, нет! Он будет впредь головой думать.

К счастью, проскочить ему удалось. Может, летчик и взял немного правее, может, Егорка как-то просчитался со своим хваленым глазомером, но опасность явно миновала. Он с радостным облегчением вздохнул, начиная верить в благополучный исход, а за спиной, сзади прогремело, прошумело, просвистело. Он оглянулся через плечо и увидел, что «смерть» катит, подпрыгивая на неровностях луга, и снова превращается в обыкновенный самолет...

Возбужденная толпа ринулась к замершему самолету, и все прошло благополучно, только кто-то из больших парней с ехидной усмешкой спросил Егорку:

— Не обкакался?

— Не успел: некогда было! — не потерялся Егорка, и парень развел руками, пристальнее вглядываясь в малолетку:

— А ты, я смотрю, гусь!

...Позже самолеты стали садиться возле самого села, на околице, и однажды Егорка видел, как Александр Викторович, учитель черчения и рисования, набрасывал с природы рисунок крылатой машины, держа перед собой лист фанеры с наколотой на неё кнопками бумагой. Егорка пристроился сзади и чуть сбоку. Жадно, затаив дыхание, следил за движениями карандаша, оставляющего уверенные, энергичные штрихи, выявляющие контур самолета.

«Мне бы так научиться рисовать! — с глубокой завистью мечтал Егорка, стоя за спиной художника. — И когда я только вырасту?»

* * *

Люди на Игнатьевском поле вырубали и корчевали кусты, тесали колья, вбивали их в землю по указанию «шляпных» товарищей, копали ямки, таскали на носилках землю с места на место.

Ребята пользовались некоторыми привилегиями: техник за что-то их полюбил и ставил на такие работы, которые лучше оплачивались, так что к концу мая они получили зарплату, из которой было вычтено за питание. Радостные явились домой. Егорка впервые в жизни принес матери деньги. Мать хвалила его, смахивая с лица слезинки, обещала написать отцу и брату на фронт.

После переводных испытаний в школе собрал Тимофей ребят на крыльце конторы колхоза. Начал, как всегда, торжественно:

— Вот что, орлы! Надо нам создать ударное звено для вывозки навоза на пары, для боронования их...

Егорка заскучал, затосковал: ему хотелось на строительство аэродрома. Бригадир словно прочитал его мысли:

— Но нам надо создать звено, впрочем, что его создавать, оно уже создано, и вы все знаете, кто в нем, в этом звене. Туда, на строительство аэродрома, сами знаете, не любого пошлешь, а эти ребята, так сказать, уже обстрелянные, опыт имеют. Мало того, их затребовали пофамильно! Это обязывает? Обязывает. Надеюсь, будут стараться, не подведут погодаевский наш колхоз «Трактор», не ударят в грязь лицом! Но предупреждаю: вставать придется в шесть часов утра, каждое утро и вечер вплавь через реку лошадей туда и сюда... Телеги пусть там остаются, но сбрую, сами понимаете... растащить могут. Мороки вам, елки-моталки, будет по уши. Лошадь, естественно, сама не утонет, но утопить ее можно: запутается ногами в поводьях — и все. Тюрьма кому-то!

То, что вставать надо в шесть утра, ребят напугало: дело привычное, а вот лошадей вплавь пускать через реку... Это для них явление новое, необычное, хотя они много раз видели, как взрослые переправляли их, лошадей-то.

— Я продумал состав звена, — продолжал Тимофей, — хорошо продумал. Два старшекласника — Александр и Николай, они уже в десятый класс осенью пойдут, ребята почти зрелые, поэтому будут за все отвечать. Два семикласника будущих — Егор и Иван, два... что про них сказать, не знаю? Ну, короче, Глеб и Лука, которые школу бросили и которым придется доучиваться после войны, елки-моталки, будут заместителями Александра и Николая. Ясно? Телеги переправим сегодня вечером на завозне, а сбрую и лошадей — завтра. Для начала переправой буду руководить лично я, но в дальнейшем полагайтесь только на себя. Понятно?

— Понятно, чего там, — бодрились ребята, с замиранием сердца ожидая завтрашнюю на восходе солнца перепра-

ву: вода в Илеме хотя и упала почти до обычного уровня, все же была холодной еще и мутной, дна не видать даже недалеко от берега, не то что на глубине. Почему надо было бояться мутной воды — никто не знал.

Утром, поеживаясь от холодка, ребята привели лошадей на переправу. Тимофей вошел в завозню, взял длинный шест, следом за ним, оттолкнув лодку от берега, с мели, стали входить ребята, держа поводья в руке. Лошади, по мере того, как лодка отплывала, всхрапывая, входили в воду, подергивая судорожно кожей. Тимофей плавно толкал шестом завозню, и скоро лошади всплыли, отфыркиваясь и вытягивая шеи, кося испуганно глазами по сторонам.

Переправа закончилась благополучно, как говорится, без сучка, без задоринки, и Тимофей облегченно вздохнул:

— Вот так и действовать! Ясно?

— Яс-но-о! — выкрикнули вдохновенные удачей ребята.

Весь день ребята возили на телегах землю с бугров в низины, вместе с ребятами из других колхозов, даже дальних: прибыли по разнарядке, правда, на посадочной полосе не стало таклюдно, как было до переводных экзаменов-испытаний в школе, упорядочилось, утоллось, утихомирилось все.

На полосе появилось два катка — один побольше, другой — поменьше, пустотелые внутри (ребята гадали, чем их заполнять для тяжести, песком или водой?), забавный, плоский какой-то трактор, должно быть, американский; на пригорке мужики-плотники рубили стены большого здания, поодаль развернулись постройки поменьше. Вдали за высоким частоколом устанавливали черно-белые высокие мачты. Справа, за полосой, возвышалась узкая башенка непонятного назначения. Земля здорово просохла, подросла трава.

— Ого-го! — восхитился Колька Тяж. — Здорово тут без нас работнули! И это пока мы испытания сдавали?

— Здорово, да нуж нет! — поддержал Глебка. — Ждать нас не будут... Интересно, скоро, наверно, самолеты погонят?

— Полосы-то еще нет, — спокой-

но-равнодушно заметил Санька Предка, — без полосы самолеты не погонись. Дураку ясно!

— Зачем мы с американцами связались? — выкрикнул Колька Тяж. — Что мы, без них фашистам кол осиновый в зад не вогнали бы? Как мы их под Москвой? А как под Сталинградом? А?

В обеденный перерыв ребята сунулись было в столовую, но их не пустили, а показали пальцем на склад, где они получили по куску черного хлеба и по сушеной рыбине: в столовой питались теперь, как им объяснили, высококвалифицированные специалисты и ИТР. Что такое ИТР, ребята не знали. Пришлось спросить. Оказывается, инженерно-технические работники...

С трудом ребята нашли кипяток и кружки. Решили захватить завтра с собой по бутылке молока или чаю с молоком.

— Мотри ты, как оне нас встречать стали? — удивлялся Лука.

Лука и трех классов не закончил в школе: тянуло его к лошадям, любил он работу и рано пошел в колхоз ездовым.

Егорка хлеб съел, а рыбину сунул под рубашку.

— Ты что, бурундук? — ехидно спросил Колька Тяж.

— Никакой не бурундук, — миролюбиво ответил Егорка, — мать хочу угостить американской рыбой.

— Так бы и сказал, а то прячешь, как будто запас делаешь.

Егорка заметил, что некоторые из ребят тоже сунули после его слов рыбки за пазухи, улыбнулся, пряча рот в ладони, как будто хотел кашлянуть или подышать на руки.

— Что же мы, так и будем прохладиться без дела, пока лошади кормятся? — спросил Санька Предка, без укора глядя на ребят.

— А че делать? — развалился в тени куста Лука. — Ондыхай!

— Пойдемте посмотрим, что делается-то кругом, — предложил Санька, — поучимся кое-чему, ума-разума наберемся...

— Че мы не видели, как и что тут делается? — недовольно заявил Глебка. — Действительно, как Лука говорит: отдохнуть...

— Пойдем-пойдем, лодырь, —

незлобно, но повелительно сказал Санька, — что их отлеживать, бока-то.

— О! — обрадовано воскликнул плотник, когда ребята подошли к строящемуся зданию. — Вас, ребята, сам Господь сюда послал: балки пошкурить надо. Берите скобели, а кому скобелей не хватит — лопаты — и пошел! Вот они, балки, вот лежат.

— Да мы хотели... — протянул нерешительно Санька.

— Знаю-знаю, чего вы хотели, — перебил плотник, — побездельничать вы хотели. Не время, ребята, не время: фашистов одолеем — отдохнем, на курорты съездим, а сейчас — бери скобели.

И ведь взяли, и шкурили балки! Да так, что кора летела в разные стороны и сверкали балки бело-желтыми боками, распространяя запах сосновой свежести.

— Молодцы! — похвалил их плотник, и тут только ребята заметили, какой он красивый: высокий, русые волосы на голове вьются, черты лица мягкие, приятные и глаза голубо так смотрят, улыбочиво. Одна беда — припадает на ногу сильно: короче она, похоже.

— А вы откуда? — спросил Ванька Петух плотника.

— Отсюда, — улыбнулся плотник, — откуда еще?

— Не! — усомнился Ванька. — Обличье-то у вас не наше.

— Во дает! — восхитился плотник. — Что же ты всех людей в районе знаешь, что ли? Чье же это у меня обличье?

— Не знаю, но не наше. У нас таких не бывает почему-то...

— Верно, друг, не здешний я, из Подмосковья. В трудармии — слышал про такую? — нахожусь. После ранения в ногу...

— Так вы что, на фронте были? — взметнулся Санька. — Расскажите что-нибудь... Эпизод боевой какой-нибудь...

— Что рассказывать! Это надо видеть своими глазами, слышать своими ушами, тогда еще куда ни шло, а так — что?

— А все-таки, — не отставали ребята, — расскажите, как ранили вас, когда, где?

— Ничего героического, ребята. Отступали мы от самой границы... Только где-нибудь закрепимся для обороны — приказ: отступить! Оказывается, немецкие танки уже впереди нас, десанты, боязнь окружения, вот и снова отступаем. И так почти до Москвы. Ну, тут-то мы уж им за все дали! Сто с лишним километров гнали назад. В это время меня и ранило. Обидно. Но еще обидней было, когда доктора в трудармию меня после ранения направили...

— А чего обижаться? — встрял в разговор пожилой плотник, длиннорукый, с горбом на спине. — Уцелел, и на том спасибо!

— Уцелел, уцелел, — проворчал трудармеец, — разве в этом главное? Гибнут там мои друзья и товарищи, а я по тылам ошиваюсь, топориком помахиваю, домики строю...

— Да ладно тебе! — вмешался третий плотник, на вид не имеющий никаких дефектов (оказывается, язвенник). — Чего ныть, чего стонать? Это уж кому что на роду написано... Судьба.

Остальные плотники собрались, подошли к ним, стали сворачивать из газетных обрывков папироски, закурили.

— Судьба-а! — протянул один. — Судьбинушка-а...

— Не верю я в судьбу, — глядя на облака, сказал второй, — судьбой руководить надо. Вот я, к примеру, мог быть на фронте, а где я? В тылу. Почему? Потому что специалист. Броня!

— Шкура ты, — отозвался глухо первый. — Мало таких специалистов на фронте погибло? Да еще не тебе чета... Профессора!

— И специалист-то ты, пожалуй, больше на языке, — подхватил язвенник, — подхалимничать мастер, это верно...

— Не скажи! — возмутился второй, очевидно, поняв, что зря высунул язык, не в пору, не вовремя, и решил выкрутиться. — А я тоже немало усилий проявил, чтобы на фронт попасть, скоко заявлений в райвоенкомат оттащил, токо без толку...

— И масла!

— Какого масла? — не понял второй и тут же до него дошло. — А! Масла...

— Ха-ха-ха! — грохнули мужики. — Вот где попался!

— Затянулся перекур, затянулся! — подошел к ним техник, знакомый ребятам. — Приступить к работе: норма — закон!

Мужики тушили окурки о землю, нехотя поднимались.

— Так! — воскликнул техник, обращаясь к ребятам. — Старые знакомые. Очень приятно! Бревна возить из лесу будете?

— А что за бревна? — спросил Санька. — Может, нам не поднять?

— Так вас же много, все-то поднимите.

— Ну если все!

— Поедете по той дороге, — техник показал пальцем на дальнюю опушку Среднего яра, где ясно виднелась прорезь среди зелени — въезд в лес, — доедете до лесосеки, погрузите по бревну на ось — и обратно. Норма — четыре ездки в день. Сделаете больше — честь и хвала вам, ну, понятно, и заработки... Да не забудьте веревки прихватить. Вот и все. С обеда приступайте.

Ребята сбросили с телег одра*, побежали за лошадьми на луг. За остаток дня они сделали по две ездки, изучили дорогу. Шла она от строящегося здания по полю километра два, потом поднималась на довольно крутой тянигус не меньше трех километров до лесосеки, на которой в штабелях лежали сутунки — длинные, метров по десять-двенадцать, бревна. Ребята вагами закатывали тяжелые комли на оси телег, привязывали веревками — и готово.

Вечером техник дал ребятам бумажку, в которой указал, что сделали ребята за день, и сам похвалил их, пусть сдержанно.

На второй день после первого «рейса», подъехав к лесу, ребята остановились: у Глебки развязался чересседельник.

— Хорошо бы соку попробовать! — мечтательно произнес Колька Тяж. — Холодненького, вкуснейшего! Ах!

— А что? Идея толковая, — поддержал Санька Предка. — Сок — это здорово! Но, пожалуй, нельзя: не выполним норму. На работе мы.

— На работе, конечно, — согласился Глебка и облизался, — но мы немножко,

одну соковицу на всех... Для утоления жажды.

Соковицы, или молодые сосенки метров на шесть-семь высотой, росли на опушке отменные. Они дразнящее приманивали ребят длинными ровными суставами от мутовки до мутовки. Там под нетолстой зеленовато-желтой корой находился слой застывшего в нежную беловато-прозрачную полоску сока, который легко снимался тонкой прочной ниткой или, еще лучше, балалаечной струной. Такой сок, прохладный и ароматный, был удивительным лакомством для ребят.

— Ну разве одну на всех, — согласился нехотя Санька.

Срубили сосенку, обрубил сучья и не успели глазом моргнуть, как она уже лежала ободранной и выброшенной, белея суставами. Ребята дружно покосились на следующую сосенку.

— А, была не была, — заявил Колька Тяж решительно, — давай еще одну! А то что? Так, раздражили аппетит...

Он ухватил топор и бросился к соковице. «Пировали» ребята, забыв про все, кроме сока, часа два, пока не наелись до отвала.

— Хватит, — откинулся беспомощно на землю Лука, потирая живот руками, — наелись от пуза... Как бы давить не стало.

— Поедем, ребята, — виновато сказал Санька, — чую, влетит нам.

Дорога постепенно вползала на невысокий хребет, поросший таежным густолесьем. Деревья нахмуренно пропускали подводы к лесосеке. Помогая друг другу, ребята быстро нагрузили телеги, привязали бревна веревками, но все, как один, чувствовали, что ничто их не спасет, чуда не будет, придется держать ответ.

Техник стоял, вынув из карманчика брюк часы на блестящей цепочке, и ничего не говорил. Он осмотрел бревна, телеги, оси, сбрую, лошадей и только тогда спросил:

— Я не нашел неисправностей. Что случилось?

Ребята не знали, что ответить: правду говорить нельзя, врать не привыкли в серьезных делах.

— Я вас спрашиваю, что случилось? — впервые повысил голос техник. — Вы понимаете, что в ожидании

ваших бревен плотники допустили простой более двух часов...

Этого ребята никак не ожидали: оказывается, подвели других. Потупились, избегая глядеть друга на друга. Вот он, сок!

— Вы знаете, что такое саботаж в военное время?

Ребята, очевидно, не знали, и Егорка не знал. Колька Тяж даже губу нижнюю отвесил, глядел то на техника, то на Саньку Предку. Все они догадались, что саботаж — очень нехорошее дело.

Санька Предка поднял светлую голову и твердо заявил:

— Мы исправимся.

— Они исправятся! — закричал техник. — Как? Где вы возьмете потерянное время? Сутки прибавите? Это свои, а плотники? Где плотники найдут лишнее время? Кто им за простой оплатит?

— Мы будем возить бревна, пока не выполним норму, — предложил Колька Тяж с угрюмой решимостью во всей фигуре.

— Как же вы коней в темноте переплавлять будете? — немного смягчился техник. — Это, должно быть, очень опасно...

— Ничего, — бодро заявил Колька, — дело привычное. Только вы нас не выдавайте, не сообщайте бригадиру. Хорошо?

— Хорошо, — согласился техник, — не сообщу... Ребята, до вечера — шесть ездки. Душа вон, а сделать!

— Ладно! — ответил за всех Санька Предка, довольный, что все обошлось хорошо. — Чего там, поехали... Эх, вы, сокодралы!

К обеду ребята вернулись с лесосеки с бревнами.

— Видите, — сказал техник, показывая часы, — у меня все рассчитано по минуткам. Не успеть вам еще четыре ездки сделать, на завтра придется в долг одну засчитать. Наука — сила!

Ребята распрягли лошадей, пустили на кормежку и уселись в тень черемухового куста обедать.

— Слушай, Санька, — заговорил Егорка нерешительно (он боялся, что его могут высмеять, в то же время задумка мучила его нетерпимо), — а если мы по два бревна возить будем?

— Ты что? Лошадей надорвать хочешь? Чтобы они вообще ничего не смогли возить? — напустился на него Колька Тяж.

— Так уж сразу и надорвать, — вспомнив, как легко лошади везли бревна под уклон, вдохновился Егорка. — Я тоже могу головой работать. Ведь под гору-то легко везти, вполсилы они тянут, играючись... Вывезем в поле (а еще по полю сколько уклон-то тянется!) на ровную дорогу — вот тогда можно по одному бревну сбросить с телеги. Считай, наполовину ближе за ними ехать потом. Выходит, вместо одной ездки полторы получается...

— Черт возьми! — изумился Санька. — А ведь верно... Это же выход стоящий! Как мне такое простое решение не пришло в башку?

Санька внимательно и, похоже, с уважением посмотрел на Егорку, хлопал по плечу, похвалил сдержанно:

— Ну и голова у тебя, а на вид — глупый.

Егорка и расцвел от похвалы, и обиделся: вид-то у него, оказывается, глупый. Вот бы никогда не подумал! Поэтому, наверное, малознакомые ребята с ним как с дурачком разговаривают.

— Пожалуй, утрем мы сегодня нос технику, — сказал Санька, весело поглядев на всех, — только, чур, никому ни слова!

— Что мы, враги сами себе? — за всех ответил Глебка.

— Надо ишшо попробовать, потянут ли кони? — сказал Лука.

— Под гору потянут! — уверенно заявил Ванька Петух. — А если еще под концы бревен, что по земле волочатся, колеса подвести, тогда хоть по пять бревен наваливай — увезут под уклон!

— Слушайте, ребята, все мы сегодня Эдисоны, — улыбнулся Санька, — все мы молодцы, а ты, Колька, не унывай, состоится сегодня твое свидание с Танькой, успеешь на вечерку...

— Была нужда, — вздернул нос Колька и брезгливо раздул ноздри, показывая таким образом, что Танька его мало интересует. «Задается, — неприязненно подумал Егорка, — а ведь Танька-то в сто раз лучше и красивее Кольки». Конечно, сказать вслух он это

побоялся: чего доброго, от этого задаваки и оплеуху схватишь.

— У меня тоже идея, — загорелся Глебка, — хотите — скажу.

— Говори, — махнул рукой Санька: что-то много сегодня идей.

— Зачем нам лошадей каждое утро и вечер через реку маять? Смотрите, какие кругом луга! Пусть пасутся здесь.

— Идея хорошая, — согласился Санька, — только колхоз-то не наш: не пустят, не разрешат...

— Да не колхозная земля уже и луга тоже, а аэродромовская, значит, государственная, так что можно пасти, — сказал Глебка.

— В самом деле, — обрадовался Санька, — не колхозная!

Подошел техник, и Санька поделился с ним предложением Глебки. Тот выслушал, неопределенно пожал плечами, вздернув их к ушам, поковырял носком хромового сапога землю, вымолвил:

— Не знаю, что сказать: не входит это в мою компетенцию.

И тут впервые Егорка заметил, что на правой руке техника нет большого и указательного пальцев: так он тщательно скрывал это, пряча руку в карман, а тут забылся, вынул...

Ушел техник, оставив ребят в раздумье.

— Слушай, Санька, — шепотом спросил Егорка. — А что такое «компетенция»? Слово какое-то... не слышал, не встречал...

— Компетенция, — важно сказал Колька Тяж (услышал, шпион!), радуясь возможности отличиться, показать себя человеком все знающим, — это правомочность, круг полномочий...

— Молодец! — похвалил Санька, иронично улыбаясь. — Быть тебе прокурором.

— Постараюсь! — четко ответил Колька, раздувая ноздри.

— А что такое «полномочия»? — спросил Егорка.

— Ты что, из детского садика? — ядовито спросил Колька. — Правильно Санька говорит, что ты глупый...

С нормой ребята справились, правда, солнце уже закатилось. Техник пересчитал бревна, пожал плечами, недоумеая:

— Не пойму, как выкрутились!

Но — молодцы! Хвалю. А насчет того, чтобы не переправлять лошадей, я навел справки: на здешних лугах пасти коней можно, все равно скоро их... — техник сделал стригущий жест рукой, — только надо этот вопрос согласовать с вашим бригадиром. Сбрую, телеги можно оставлять у нашего конюха. Думаю, что бригадир пойдём вам навстречу.

Вечером Егорку ждало неприятное испытание. Переправа, как всегда, закончилась благополучно, но Егорка замешкался, протирая спину Чалки от воды, и отстал от ребят. «Догоню, — думал он, — куда они денутся? До Кочевника далеко, успею».

Чалка в этот вечер вел себя необычно, взбудораженно, нетерпеливо перебирал ногами, рвал поводья из рук Егорки, видимо, не желал отставать от собратьев, словно ревновал их, что они первыми окажутся на лугу. Егорка наконец вскочил на Чалку и отпустил поводья, но конь бросился не в объезд водяника, а махнул на угор и — через изгородь! Егорку бросило назад, на круп коня, он еле успел уцепиться за гриву и сильно прижать ноги к бокам, потом, при приземлении, его швырнуло на шею Чалки, но юный джигит поневоле удержался-таки на спине, и Чалка понес его вслед за удаляющейся пятеркой, плавно срезая повороты.

Километра через два, где проселок сворачивал к лугу, Чалка так резко свернул влево, что Егорка не удержался и кубарем полетел с коня, закувыркался по мягкой пашне, на которой пробивались робкие зеленые всходы запоздалого посева.

Он вскочил на ноги, удивился, что не почувствовал ни боли, ни ушибов, как будто упал на перину, потом, стора от стыда (падать с лошадей считалось в деревне большим позором), бросился за своим придурковатым Чалкой вдогонку. Где там! Конь догнал лошадей и вырвался вперед. «Сукин сын! — мелькало в голове озлобленно и резко, — подвел, пропал я теперь... Засмеют ребята, проходу не дадут!» Он решил, что в его положении самое лучшее — честно во всем признаться: так легче переносить насмешки.

Ребята уже привязывали лошадей,

когда Егорка подбежал к лугу, поймал Чалку, хотел хлестнуть его ладонью по морде, но не решился: самому больнее, сплюнул и стал перебивать кол, к которому на ночь привязывают коней, на нетронутое место.

К удивлению Егорки, никто над ним не смеялся. Ребята вроде и не заметили его падения, и он понял, что они чем-то увлечены, продолжают какой-то важный разговор.

У Костенковых ворот, расставаясь, Санька попросил:

— Лука или Глеб, пригоните моего Воронка утром с луга: я пойду к бригадиру договариваться насчет того, чтобы лошадей на той стороне оставлять. Что с ними столько возиться?

Небо сумрачно заголубело, засинело, стало темнеть с востока. В окнах кое-где зазолотились огоньки, на юго-востоке тонко и пронзительно засверкала одиночная звезда, а на северо-западе над фиолетово-черным Шальновским хребтом догорала слабая малиновая полоса — вечерняя заря, которая незаметно перейдет в зарю утреннюю, и восток будет светлеть от крадущегося где-то за хребтом солнца, и тишина овладеет землей небывалая. И забудется, что где-то идет страшная война, что озверелые люди бомбами, снарядами, гранатами и пулями, и ножами, и пальцами, сжимающими в мертвой хватке чье-то горло, стремятся уничтожить друг друга, сами того не желая, потому лишь, что кто-то почему-то послал их друг на друга, точнее, одних послал, а другим поневоле пришлось защищаться. Забудется, что получена на брата похоронка, что отец может вот-вот поехать на фронт, что сестра, закончив десятый класс, ушла добровольцем в армию вместе с одноклассниками и классным руководителем. Ушла воевать! А ведь ей замуж надо, детей рожать, воспитывать, жизнь продолжать...

«Надо бы струну балалаечную утром захватить, вдруг ребята содрать захотят», — предусмотрительно подумал Егорка, открывая скрипящие ворота, нет, не большие ворота, а маленькие, что висели рядом с большими, на одном столбе по сути.

— Как работал седни? — спросила мать, ставя на стол ужин.

— Хорошо работал, мам... Норму сделали.

— Ну, и слав бог! — вздохнула мать и спросила: — На игранчик-то побежишь опеть? Ложился бы спать, дурачок... Ить, когда и поспать, как не в твои годы, а тебя ишшо по вечеркам носит.

— Мам, ты не помнишь, где у нас балалаечные струны?

— А тебе зачем? Сок драть? Не знаю, что и сказать тебе. Ить оне Михайловы, струны-то. Вернется, а струн нету... Че тогда? Не сохранили, скажет. Ты и так их, однако, все вытаскал?

— Ну уж и все! Там еще оставались, только не пойму, куда запропалились, наверное, ты перепрятала? Михаил с фронта вернется, таких струн себе заведет, что ты и не видывала.

— Только бы вернулся. Какие там струны! В амбаре оне, в сундуке лопотном, в правом углу, в тряпочке завернуты...

— Ну, я побежал, ма...

— Долго-то не будь там, — крикнула вслед мать, — завтра в такую рань подыматься. И че тебя носит, какой прок...

Мать прекрасно понимала все и знала, что ничего ей не поделать в таких случаях, а ворчала больше для порядка, для того, чтобы хоть ворчанием «урезонивать» молодую силушку и просыпавшуюся страсть подростка. И на нее когда-то ворчали.

Притихла природа в ожидании ночного отдыха, лишь вдалеке, в Озерках, на лывах стоном стонали лягушки, закатывая свой лягушачий концерт. На верхнем краю деревни, у Кривой сосны, проснулась гармошка, попиликала, пробуя голос, замолчала, потом снова залилась, звонко и задиристо, и раздался чуть хриплый голос Мишки Солодёнка, частушечника и балагура, а в ответ ему хлестала куплетами Капка Николаевская. Начинаясь вечерка, игранчик.

Утром ребята, как заведенные, вскочили до солнца, побежали в луга. Утренняя свежесть быстро придала бодрости, напрочь прогнав остатки тягучего липкого сладкого сна на заре.

Лошади за ночь вытоптали вокруг

колов траву в форме правильных окружностей и теперь отдыхали, насытаясь.

Сейчас, замечал Егорка, небо над Качинской сопкой все еще темнело густой голубизной, но над деревней, если обернуться, оно светилось ярко и широко бело-желтым сиянием, готовясь встретить восход солнца, и птички в кустах заливались щебетом и посвистами, радуясь очередному празднику — утру. Над головой Егорки, деловито помахиная короткими крыльями, пронеслись утки, в деревне вставали дымы: хозяйки растопили русские печи.

Егорка с тоской подумал, что к его приезду с лугов на Чалке, как вчера, и позавчера, и послезавчера мать достанет из печки сковородку с поджаренными на ней ельцами, залитыми яйцом, нальет стакан чая, забеленного молоком, положит ломтик хлеба с овсюжной примесью, черного и колючего, но все-таки хлеба, а он, Егорка, скажет ворчливо и поморщится недовольно:

— Опять ельцы! Надоели.

Мать ставила в реку перед окнами три морды, проверяла их по утрам и вечерам, добывая по хлёбальной чашке ельцов и мокченгов, последних она тут же выбрасывала в реку: их почему-то не ели в деревне, брезговали, некоторые, правда, скармливали свиньям.

— А че же я, сынок, ишшо-от могу приготовить? — обиженно поджимала мать губы и горестно вздыхала. — Рада бы че другое, да где взять. Моли бога, что хоть это-то есть!

Потом она наливала ему чекушку молока (цельного!), затыкала тряпичной пробкой и подавала, скорбно согнувшись в спине, как будто была виноватой в том, что ей приходится отправлять сына на работу с таким-то обедом. А ведь она помнит, какие обеды варивала до войны! Стряпуха была отменная и повариха тоже.

Егорка совал чекушку в карман штанов, туда, где всегда лежал ножичек-складешок (как на работе без ножа: вдруг что-нибудь починить придется или тычку какую выстрогать), выскакивал из дому к Чалке, терпеливо ожидающему у ворот на привязи.

Сегодня ребята обнаглели: наваливали на ось по три бревна, потом по

четыре, и лошади без видимого усилия волокли их вниз, в поле, где сразу начинали останавливаться, перенапрягаясь.

Ребят это вполне устраивало: могут сделать сегодня по полторы нормы и соку нажраться вволю. Опыт есть!

Перед обедом навалились на соковишницы, сгорая от нетерпения полакомиться этим чудом природы — соком!

Егорка усмехнулся, увидев, как ребята, словно по сговору, достали из карманов балалаечные струны. «Не один я, — удовлетворенно подумал он, — оказался падким на вкусное».

Ребята срубали сосенки, надрезали ножичками кору, отделяли ее (она легко снималась в эту пору), струнами, на концах которых были привязаны палочки в палец величиной, проходились без сильного нажима по суставу от мутовки до мутовки, брали пальцами широкую прозрачно-матовую ленту, аккуратно отправляли в рот аппетитно и вкусно похрустывающую прелесть, нежную и запашистую. И так до объедения, до легкой отрыжки.

Ближе к вечеру на аэродром прихрамал бригадир Тимофей. Ребята только что сгрузили бревна и решили подождать, пока бригадир дойдет до них.

— Ну как вы тут? — радостно улыбаясь, спросил Тимофей, зорко оглядываясь по сторонам: все ему здесь было в новинку.

— Отлично! — за всех ответил Колька Тяж. — Дадим сегодня полторы нормы. Представляйте к наградам, пока мы не передумали.

Взгляд бригадира скользил по намечающейся полосе, по строящимся зданиям, по многолюдству работающих.

— А у вас, я гляжу, весело! Невест еще не завели?

— Вот наши невесты, — кивнул Колька Тяж на бревна, — с ними обнимаемся. Тяжелый, надо заметить, у них характер!

— Ну, ну! — продолжал улыбаться бригадир. — Значит, нравятся бревна, несмотря на тяжелый характер...

— Еще как нравятся! — подхватил Глеб, вспомнив про сок.

— Лошадей можете пока не переплавлять: договорились со здешним начальством. Сбрую в здешнюю ко-

нюховскую сдавать, а телеги... ну, что телеги? Телеги под кустом оставляйте.

— Ура! — хмыкнул Егорка: вышло так, как хотели ребята.

— Смотрите, не подводить колхоз! — сказал напоследок Тимофей и похрамал домой, по пути заглядывая в ямки, трогая зачем-то колья рукой, дивясь на пустотелые катки и плоские трактора.

* * *

Подводить колхоз ребята не хотели. Они вывезли с лесосеки все бревна, снова возили грунт, потом возили из лесу балки и жерди, которые «шкурили» женщины и девчата, ловко орудуя скобелями.

Не знали ребята ни выходных, ни отгульных. Помоются в бане в субботу и опять — «париться» на жаре, мокнуть под дождями, страдать от мошкары, начинающей с конца июня так донимать ребят и лошадей, что хоть из воды не вылазь: нигде, кроме ее, спасения не было. Разве еще возле дымокуров, но там и самому задохнуться нетрудно. Спасал в какой-то мере деготь в бутылках. Смазывали им лошадей, смазывались сами, только быстро он испарялся и надо было снова мазаться. Чалка через час-полтора подзывал Егорку тихим, идущим изнутри, словно из живота, ржанием, тянулся к нему мордой, как будто умолял смазать дегтем. И когда Егорка начинал смазывать его, он послушно замирал и, похоже, с наслаждением опускал напружиненную кожу живота, отдыхая от изнуряющих, раздражающих, бесчисленных укусов беспощадных кровососов.

Возвращаясь после работы домой, ребята обязательно, если позволяла погода, купались в реке, смывая пот и грязь, накопленные за день, и часто вспоминали счастливое довоенное время, когда они накупывались до посинения, раз по десять-двенадцать в день, потом грелись у стены колхозного амбара, отражающей солнечное тепло. Лишь только проходила мелкая, нудная, долгая дрожь, открывали перочинные складешки и вырезали на толстых бревнах амбара свои инициалы, ревниво следя за тем, у кого по-

лучалось лучше всех, красивее, ровнее, оригинальнее.

О счастливая пора беззаботного времени — нашего детства! Почему ты была такой короткой, когда в девять, десять лет мы были вынуждены работать от зари до зари наравне со взрослыми? Разве нам не хотелось поиграть в лапту, в городки, в сочиненный нами «травяной хоккей»? Разве не хотелось побежать в поля, в луга, в лес? Просто так побежать, безответственно, беззаботно, радуясь всему, что окружает, что всегда с тобой, что навек твое.

Всякий раз при таких недавних, вообще-то, и давних воспоминаниях ноет что-то в глубине души, но не мрачно и угнетенно, а грустно-счастливо, печально-торжественно.

Время это казалось только солнечным, только сияющим, и понималось, что оно невозвратно, как прошедший день, месяц, год.

Теперь Егорка — работник, приносит пользу, заменил братьев и отца. Мать за ним как за кормильцем ухаживает, с уважением, с почтением, старается создать все условия...

Конечно, это не детские беспечальные забавы, а работа!

Подходит к концу август. Ребята с неделю назад прекратили купаться: вода заметно стала холоднее, и старушки кричали с серьезным выражением лиц, чтобы ребята перестали купаться, потому что олень в воде рога купал. Смешные старушки! При чем здесь олень и его рога? Но все же, все же... И ребята прекратили купаться, тем более, что не очень почему-то хотелось.

На аэродроме отчетливо прорисовалась взлетно-посадочная полоса. Ровная, прямая, укатанная, она шла через мыс чуть ли не три километра. С боков ее огородили жердняком, чтобы скот не заходил на полосу. В центре, слева, если стать лицом к селу, возвысилось здание аэропорта со службами, с паутиной антенн, с забавным полосатым мешком, поворачивающимся от ветра, с метеоплощадкой за колючей изгородью возле кустов черемухи, оставленных для радости глазу и душе, для красоты пейзажа.

Все чаще приплывали плоты с Ангаро-Ленского тракта, нагруженные бочками с авиационным бензином,

светлым, как вода, почти без запаха. Ребята вывозили бочки к цистернам на берегу, за высоким заплотом из вертикально поставленных плах, заостренных наверху. Бензин сливали, бочки отправляли обратно. Егорка умудрился раздобыть бутылку бензина, чтобы разводить резиновый клей: у него был велосипед, приобретение брата Михаила, теперь фронтовика.

Плоты разбирали, бревна ребята вывозили на берег, и здесь женщины распиливали их на дрова: долгая сибирская зима требовала много топлива. Поленицы в невиданном ребятами количестве выстроились вдоль берега, у здания, у столовой, у гаража.

Работа кипела на всех участках. Уже прилетали толстопузые «Дугласы», двухмоторные, большие с непривычки: из них выгружали оборудование для оснащения аэродрома: провода; зеленые, красные, синие электролампочки и даже двигатели для электростанций, дизельные, тяжелые, блестящие смазкой. Появился большой гусеничный трактор, невиданный в этих краях. Он неимоверно грохотал траками, мощно ревел мотором и трясся, содрогаясь корпусом. Прикатил своим ходом «Студебеккер», трехосный, зеленый, с зарешеченными фарами. Приплыл из Илимска самодельный «пароход Юмашева» — газогенераторная машина, поставленная на плоскодонную большую лодку. Вместо автомобильных колес были «присобачены» пароходные колеса со шлицами, утверждающе хлопающими по воде. По замыслу он, этот «пароход Юмашева», должен в летнее время обеспечить перевозку бензина, с чем успешно справлялся. Зимой бензин должны доставлять машинами Якуттранса и Золототранса.

Ребята глядели во все глаза и все-таки многое не успевали увидеть. В конце августа они привезли балки для отдаленного на значительное расстояние объекта, окруженного частоколом, высоким и плотным. За частоколом стояли высоченные чернобелые мачты, опутанные сетью антенн, пестреющих точками изоляторов. Внутри, посередине, стоял домик, аккуратный, красивый, и любопытные ребята решили заглянуть в него. Вдруг один из двигателей, стоящий в

домике, сам собой заработал, за ним заработал двигатель в другой стороне. Изумленные ребята отпрыгнули от дверей, натолкнулись на вездесущего техника. Тот взглянул в их напугано-удивленные лица и улыбнулся:

— Фантастика?

— Фантастика да нуж* нет! — пролепетал Ванька Петух, отбрасывая со лба кудрявую прядь волос, словно боялся, что она помешает ему увидеть еще какое-нибудь чудо.

Даже старшеклассники Санька и Колька терялись в догадках, как это может быть, чтобы двигатели сами собой заводились.

— Сказка и только! — поразился Глебка, смущенно дергая носом и уважительно поглядывая на техника: вдруг объяснит.

— Колдовство! — воскликнул Лукашка. — Наговор...

Вечером на столбах загорались красные лампочки и горели до рассвета, видные даже из дальних деревень Диковинно!

Впечатлений хватало, и никто из ребят не пожалел, что летом не побывал на сенокосе, не попрыгал в силосные ямы на пахучую полынь, толстым слоем сваленную вниз и теперь уминаемую всеми способами. Никто не жалел, что не половил на таежной красавице Тушаме упругих хариусов... Ребята помогали фронту, а этим можно было гордиться, и они гордились, правда, не показывая этой гордости никому.

Аэродром был готов к сдаче, и скоро надо было ожидать прилета первых эскадрилий.

* Нуж — диалектное.

Вести комитета по молодежной политике

Надежда Ворожцова

НЕТ НАРКОТИКАМ!

Никто не отрицает, что юность — прекрасная беззаботная пора, когда смотришь на мир широко распахнутыми глазами. Как много соблазнов открывает взрослая жизнь опытного взгляду, и как бывает сложно устоять, когда тебе говорят «попробуй, какая клевая штука». Многие и клюют, не подозревая, чем это для них обернется.

Социально-негативные явления в молодежной среде — тема не новая, но актуальность она не утрачивает. Наркотики, алкоголь, курение, беспорядочные ранние половые связи — тот негатив, с которым сталкиваются наши дети каждый день во дворе, в школе, в компании друзей. У каждого родителя возникает резонный вопрос — как уберечь свое дитя от этого влияния, как доходчиво объяснить, чем грозят подобные опыты?

Одно из основных направлений государственной молодежной политики — профилактика социально-негативных явлений. Во многих регионах уже выработаны определенные механизмы, приняты целевые программы по профилактике, созданы межведомственные комиссии, в состав которых входят чиновники, представители правоохранительных органов и общественных организаций.

В 2000 году под эгидой комитета по молодежной политике было создано областное государственное учреждение «Центр профилактики наркомании», призванный координировать работу всех общественных структур, реализующих профилактические программы на территории Иркутской области, содействовать внедрению инновационного опыта профилактической и реабилитационной работы. Во главу угла деятельности Центра ставится именно первичная профилактика негативных явлений среди молодежи. Кроме этого, специалисты ЦПН проводят тренинги и семинары с родителями и педагогами.

Программа профилактики наркомании стала результатом тесного сотрудничества органов государственной власти и общественности.

Недавно прошла акция «Молодежная культура против табакокурения», ее инициатором выступил спортивный клуб «Единоборец». В самых людных местах города — на ул. Урицкого, у Торгового комплекса, в ЦПКиО и на набережной — можно было увидеть, как мальчишки и девчонки в жилетах «Молодежь Прибайкалья» раздавали иркутянам конфеты, воздушные шарик, календари и буклеты в обмен на сигареты.

Привлечение молодежи к проведению всевозможных социальных акций — одна из особенностей работы Общественного Совета. Поскольку, окунувшись с головой в эту «кухню», юноши и девушки совершенно осознанно делают свой выбор в сторону здорового будущего, свободного от губительных пристрастий.

За три года работы региональные сотрудники реализовали около 6000 мероприятий, направленных на профилактику наркомании и пропаганду здоро-

вого образа жизни. В них приняли участие около 250 тысяч детей, подростков и молодёжи. В 23 муниципальных образованиях области приняты Программы по профилактике наркомании, лечению и реабилитации наркозависимых и борьбе с незаконным оборотом наркотиков, созданы межведомственные комиссии и координационные советы. В крупных городах области — Иркутске, Ангарске, Саянске, Усть-Куте, Усть-Илимске, Усолье-Сибирском, Бодайбо, а также в Тайшетском и Братском районах организована работа телефонов доверия для оказания психологической и консультационной помощи наркозависимых и их родственников.

Тысячными тиражами распространяются учебно-методические пособия, листовки, буклеты, брошюры и другие материалы антинаркотического содержания, которые широко используются в качестве раздаточного материала при проведении семинаров и различных акций. Регулярно проводятся промоакции и спортивные мероприятия в поддержку профилактических программ, такие как «Будущее Прибайкалья», выставка «Я выбираю жизнь», Международный день борьбы с наркоманией, Международный день отказа от курения, «Альтернатива», «Мир без наркотиков» и др. Все они организуются при активной поддержке областного комитета по молодёжной политике. За все время действия программ в акциях приняли участие более 100 тыс. детей, подростков и молодёжи.

По мнению руководства Центра и экспертов Общественного Совета, для эффективного исполнения социально значимых проектов органам власти различного уровня совершенно необходимо привлекать общественность к разработке и реализации государственных программ. А общественность в свою очередь сможет добиться позитивных сдвигов в решении социальных проблем, объединив разрозненные силы и ресурсы. Только работая в коалиции, общественные объединения смогут эффективнее влиять на власть, их голос станет громче, и, следовательно, у них появится реальный шанс что-то изменить в обществе в лучшую сторону.

Точка зрения

Мария Афанасенок

г. Иркутск, ИГЛУ

ИЛЛЮЗИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Прошло то время, когда «молодёжная» культура была «модной» и «элитарной». Теперь она присутствует во всех сферах — клубах, магазинах, кинотеатрах, ресторанах, прессе. Многие думали, что битва выиграна. Ничего подобного. Десятилетие 90-х закончилось, и то, что было важным, интересным, единичным, попросту превратилось в общее место. Погрузилось в быт. Закономерный процесс, суровая реальность, но нужно двигаться дальше.

Поколение меняется. Сегодняшнее поколение — это 20-летние бесцеремонно прагматичные люди с компьютерами (причём размер компьютера сейчас очень актуальная тема). Современная молодёжь теперь не разменивается на такие мелочи, как неперспективная работа, потому что это стало неинтересно. Они предпочитают работать на большие и богатые компании, зарабатывать кучу денег. Молодые 20-летние люди в Америке, например, делают состояние на Интернете и нанимают к себе на работу своих родителей-неудачников. Как бы ни ненавидели многие Бритни Спирс, но невозможно не согласиться, что стать одним из знаменитых и высокооплачиваемых людей в американском шоу-бизнесе в 17 лет — это всё-таки достойно уважения, несмотря на то, что она поёт.

То, что казалось раньше модным, элитарным, таинственным, отменилось всего за пару лет. К черту богемность и наркотический беспредел. Нынешней молодёжи не нужно доказывать, что house-музыка или Acid Jazz лучше Вудстока — они всё равно не знают, что такое Вудсток.

Новые технологии не стали самоцелью. Это стимулятор убыстрения жизни. С их помощью оптимально качественно записывается музыка, и ты через несколько дней — обеспеченный клиент для светской хроники, посылаешь свою фотку в нужное место — и через несколько дней показываешь новую коллекцию одежды на подиуме, разрабатываешь новые чертежи или что-нибудь в этом роде — и получаешь на своё «мыло» предложение стать сотрудником крупной компьютерной организации.

Теперь стало правилом хорошо себя вести, правильно и модно пахнуть, заниматься спортом и вести правильный образ жизни. Но всё должно быть в меру. Интеллигентность теперь новый стиль. Должно быть дорого. Но дороговизна не должна бросаться в глаза. Простой костюм, качественная однотонная рубашка, очки, гляцевый журнал в кожаном портфеле.

Теперь работа — важнейшая часть жизни, не то что раньше — неважно, какая работа — главное, чтобы было немного денег и убитое время. Подборка мебели и аксессуаров для офиса занимает не меньше времени и сил, чем обстановка и благоустройство собственного дома. После работы теперь все занимаются хобби. Путешествия (преимущественно археологические), слушание эйсид-джазовых пластинок в баре. Неважно — что. Главное — по-

менять круг общения, перейти в другое состояние, лишний раз подчеркнуть свою независимость и индивидуальность.

Отношение к деньгам предельно просто. Деньги — это удобно, о них не надо думать или не думать. Они просто должны быть, это даже не об-суждается. Работа — это не только способ зарабатывания денег, это метод проживания собственной жизни и иногда (достаточно редко) — удоволь-ствие. Никаких культов депрессий, лузерства и мрачной одежды. Никаких суперпраздников и стимуляторов. Простая жизнь со своими простыми пре-лестями. Очередная иллюзия — скажете вы. Да, но, как всегда, чуть более честная, приземлённая и реальная, чем предыдущая.

Первоцвет

№ 1 (20) 2005

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется
благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре
администрации Иркутской области и Комитета
по молодежной политике.

*Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10
Тел. (3952) 29-07-93, 20-43-01
E-mail: library@youlib.irk.ru

Тираж 800 экз. Заказ № 299

Цена свободная.

Отпечатано в ООО Оперативная типография
«На Чехова»
664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10.
Тел./факс: (3952) 20-93-55, 20-90-56.
Лицензия ПД № 13-0035.
E-mail: chehova@irk.ru